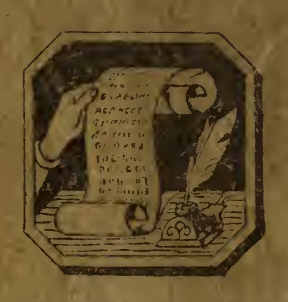

BRO
DART

ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Ф. М. Достоевский.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАРХИВА
Р. С. Ф. С. Р.
МОСКВА 1922

ДОКУМЕНТЫ

по истории

ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Выпуск первый.

Ф. М. Достоевский.

1. „Исповедь Ставрогина".

2. План „Жития великого грешника".

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕНТРАРХИВА Р.С.Ф.С.Р.

Москва. 1922.

НОВЫЕ ЗАПИСНЫЕ ТЕТРАДИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

12 ноября истекшего года в присутствии Наркома по Просвещению А. В. Луначарского и Замнаркома М. Н. Покровского в помещении Центрархива Р.С.Ф.С.Р. был вскрыт переданный из Гохрана за № 5038 ящик из белой жести с бумагами Ф. М. Достоевского.

В ящике оказалось 23 предмета: записные тетради, мешочки и свертки с письмами и др. документы. Одна из этих тетрадей, в переплете, (187 нум. страниц) носит надпись: „En cas de ma mort ou une maladie grave" (В случае моей смерти или тяжелой болезни); это — деловые документы и деловые распоряжения Анны Григорьевны Достоевской, жены писателя.

На стр. 53—55 ее рукою написано:

„Тетради, въ которыхъ записывалъ Федоръ Михайловичъ планы своихъ романовъ, а также нѣкоторыя замѣтки изъ своей жизни, черновики своихъ писемъ и пр.".

Таких тетрадей А. Г. Достоевская перечисляет пятнадцать, с кратким указанием их содержания и местонахождения.

№ 1.—„Преступление и Наказание".
№ 2.—„Преступление и Наказание".
№ 3.—„Преступление и Наказание" и „Идиот".
№ 4.— Дневник 1876.
№ 5.— Дневник 1876.
№ 6.— Дневник 1881.
№ 7.—„Подросток".
№ 8.—„Подросток".

№ 9.—„Братья Карамазовы“.

№ 10.—„Идиот“.

№ 11.—„Вечный муж“.

№ 12.
№ 13.
№ 14.
№ 15. } —„Бесы“.

Из перечисленных А. Г. Достоевской пятнадцати тетрадей по ее же указанию сданы были на хранение в Исторический Музей следующие:

№ 7 („Подросток“).

№ 12 („Бесы“).

№ 13 („Бесы“).

Обозначенная № 8 тетрадь („Подросток“) была в 1901 г. „передана Любови Федоровне Достоевской“, а „Братья Карамазовы“ сданы на хранение в другое место.

Остальные, упомянутые А. Г. Достоевской в ее списке записные тетради Достоевского, за исключением № 11, а именно №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 14, 15, оказались налицо в белом ящике, вскрытом 12 ноября прошлого года в Центрархиве.

На первой странице этих тетрадей рукою А. Г. Достоевской указано вкратце их содержание.

№ 1.

(147 нум. страниц).

1. Варьянт романа „Преступление и Наказание“ под заглавием „Под судом“ (Рассказ ведется от лица Раскольникова).

2. Материалы к роману „Преступление и Наказание“.

3. Черновик письма к Каткову.

№ 2.

(152 стр.).

1. Варьянт романа „Преступление и Наказание“.

2. Материалы к роману „Преступление и Наказание“.

3. Материалы к повести „Крокодил“. — Ответы „Современнику“.—Заметки.

4. Письмо к Каткову (1865) с изложением основной идеи романа „Преступление и Наказание“.

№ 3.

(154 стр.).

1. Материалы к роману „Преступление и Наказание“.

2. Материалы к роману „Идиот“.

№ 4.

(Без обозначения количества страниц).

Дневник 1876. Январь. Февраль. Март.

№ 5.

(84 стр.).

Дневник 1876. Апрель. Декабрь.

№ 6.

(58 стр.).

Дневник 1881.

№ 10.

(136 стр.).

„Идиот“.

№ 14.

(56 стр.).

„Бесы“. Заметки к концу романа.

№ 15.

(62 стр.).

„Бесы“ *).

Кроме перечисленных в списке А. Г. Достоевской

---

*) Все тетради в коленкоровых переплетах.

Краткое описание как этих записных тетрадей, так и вообще всех документов, находящихся в ящике, готовится к печати.

тетрадей, в белом ящике нашлись еще три ею не упоминаемые, а именно одна с материалами к „Подростку“ в коленкоровом переплете (204 стр.), другая ($33^1/_2$ листа) без переплета также с материалами к „Подростку“ (при чем одна из них, если только это не № 7, может быть, соответствует № 8 в списке А. Г. Достоевской, переданному в 1901 г. дочери писателя Л. Ф. Достоевской) и еще тетрадь с материалами к роману „Идиот“ (144 стр.) *).

Все ценное, заключающееся в этих записных тетрадях, будет опубликовано в подготовляемом к печати сборнике, куда войдут и все хранившиеся в ящике письма Ф. М. Достоевского, за период 1839—1855 г. преимущественно к брату, и за период 1866—1880 г. к невесте и будущей жене А. Г. Достоевской.

Новые записные тетради писателя дадут возможность восстановить довольно отчетливо и полно процесс работы над такими его шедеврами, как „Преступление и Наказание“, „Идиот“, „Подросток“ и „Бесы“.

Кроме того, по некоторым тетрадям рассыпаны темы задуманных, но не выполненных им рассказов („Юродивый“), повестей („Поиски“), поэм („Император“) и др.

В той же упомянутой выше тетради с надписью: „En cas de ma mort ou une maladie grave“, кроме указанных 15 записных тетрадей, упоминается еще одна со вклеенными в нее 15 корректурными оттисками к роману „Бесы“.

Эта тетрадь также нашлась в белом ящике.

На первой странице рукою А. Г. Достоевской написано:

---

*) Это, очевидно, № 11, так как в ней, кроме заметок к „Идиоту“, имеются и заметки к „Вечному мужу“.

„Въ этой тетради (въ корректурныхъ оттискахъ) находится нѣсколько главъ къ роману „Бѣсы“, которыя не были включены Ф. М. Достоевскимъ въ романъ во время печатанья его въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Въ первый разъ начальная глава (корректурные листы 1—5) была помѣщена въ 1906 г. въ восьмомъ томѣ юбилейнаго изданія Полнаго Собранія Сочиненій въ отдѣлѣ „Матеріалы къ роману „Бѣсы“. —

Последнее утверждение не совсем правильно. В указанных А. Г. Достоевской „материалах“ в VIII т. начальная глава напечатана не вся, а без первых двадцати строчек.

„Остальныя главы“—продолжает А. Г. Достоевская—„не были никогда напечатаны“.

Ниже читатель найдет текст этих двух ненапечатанных доселе глав из романа „Бесы“.

Мы сочли необходимым перепечатать и первую главу как потому, что все эти главы составляют единое целое и должны быть поэтому воспроизведены вместе, так и потому, что начало первой главы в приложениях к VIII т. юбилейного издания не воспроизведено.

Вклеенные в тетрадь 15 корректурных оттисков почти сплошь,—особенно начиная с конца первой главы—и на полях и в самом тексте испещрены величайшим множеством сделанных рукою автора поправок, вставок и дополнений.

Ниже дан текст корректурных оттисков лишь с некоторыми авторскими исправлениями (во всех трех главах, след. и в той, которая воспроизведена в юбилейном издании). Опущены места, вычеркнутые Достоевским, без замены их другой редакцией (места эти указаны в примечаниях), введены некоторые поправки, относительно которых не могло быть никакого сомнения. Все остальные многочисленнейшие

исправления и добавления будут воспроизведены в подготовляемой к печати книге с новыми материалами о Достоевском. Очевидно, сам писатель не считал исправленную и дополненную им на полях редакцию этих трех глав окончательной, что видно как из того, что в самом тексте гранок имеется не мало опечаток, и не все знаки препинания расставлены, так из того, что некоторые места текста на полях исправлены по нескольку раз, при чем не видно, какой поправке отдается предпочтение, другие места исправлены неполностью и, наконец, некоторые исправления, будучи введены в текст, дают несглаженную редакцию, где одна и та же мысль выражена несколько раз разными словами.

Печатаемый вслед за неизданными двумя главами из романа „Бесы" план „Жития великого грешника" извлечен из записной тетради Достоевского, хранящейся в Историческом Музее. План этот уже был воспроизведен недавно Л. П. Гроссманом в его книге о Достоевском*), однако же настолько неполно и неточно, с такими существеннейшими пропусками, что только ниже печатаемый текст может и должен считаться точным воспроизведением подлинника**).

---

*) „Творчество Достоевского". Одесса. 1921 г. Рецензия на книгу Л. П. Гроссмана печатается в журнале „Красный Архив", т. I, Москва 1922 г.

**) Ниже читатель найдет воспроизведенными две гранки „Исповеди Ставрогина" (начало 1-ой главы и конец 2-ой) и две страницы из записной книжки Достоевского, куда им был занесен план „Жития великого грешника".

Исповедь Ставрогина.

Три ненапечатанные главы из романа

„Бесы“.

ЧАСТЬ II-я [1].

Глава I-я.

У Тихона.

I.

Николай Всеволодовичъ въ эту ночь не спалъ и всю просидѣлъ на диванѣ, часто устремляя неподвижный взоръ въ одну точку въ углу у комода. Всю ночь у него горѣла лампа. Часовъ въ семь по утру заснулъ сидя, и, когда Алексѣй Егоровичъ, по обычаю разъ навсегда заведенному, вошелъ къ нему ровно половину десятаго съ утреннею чашкою кофею и появленіемъ своимъ разбудилъ его, то, открывъ глаза, онъ, казалось, непріятно былъ удивленъ, что могъ такъ долго проспать и что такъ уже поздно. Наскоро выпилъ онъ кофей, наскоро одѣлся и торопливо вышелъ изъ дому. На осторожный спросъ Алексѣя Егоровича, „не будетъ ли какихъ приказаній", ничего не отвѣтилъ. По улицѣ пошелъ, смотря въ землю, въ глубокой задумчивости и лишь мгновеніями, подымая голову, вдругъ выказывалъ какое-то неопредѣленное, но сильное безпокойство. На одномъ перекресткѣ, еще недалеко отъ дому, ему пересѣкла дорогу толпа проходившихъ мужиковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ или болѣе; они шли чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. У лавочки, возлѣ которой съ минуту пришлось ему подождать, кто-то сказалъ, что это „Шпигулинскіе рабочіе". Онъ едва обратилъ на нихъ вниманіе. Наконецъ, около половины одиннадцатаго дошелъ къ воротамъ нашего Спасо-Ефимьевскаго Богородскаго монастыря, на краю города, у рѣки. Тутъ только онъ какъ бы что-то вспомнилъ, тревожное и хлопотливое, остановился, наскоро пощупалъ что-то въ своемъ боковомъ карманѣ и—усмѣхнулся. Войдя въ ограду, онъ спросилъ у перваго попавшагося ему служки: какъ пройти къ проживавшему въ монастырѣ на спокоѣ архіерею

[1]) Первоначально: „Глава девятая".

Тихону? Служка принялся кланяться и тотчасъ же повелъ. У крылечка, въ концѣ длиннаго двухъэтажнаго монастырскаго корпуса, властно и проворно отбилъ его у служки повстрѣчавшійся съ ними толстый и сѣдой монахъ и повелъ длиннымъ узкимъ корридоромъ, тоже все кланяясь (хотя по толстотѣ своей не могъ наклоняться низко, а только дергалъ часто и отрывисто головой), и все приглашая пожаловать, хотя Николай Всеволодовичъ безъ того за нимъ шелъ. Монахъ предлагалъ какіе-то вопросы и говорилъ объ отцѣ архимандритѣ; не получая же отвѣтовъ, становился все почтительнѣе. Ставрогинъ замѣтилъ, что его здѣсь знаютъ, хотя, сколько помнилось ему, онъ здѣсь бывалъ только въ дѣтствѣ. Когда дошли до двери въ самомъ концѣ корридора, монахъ отворилъ ее какъ бы властною рукой, фамильярно освѣдомился у подскочившаго келейника, можно-ль войти и, даже не выждавъ отвѣта, отмахнулъ совсѣмъ дверь и, наклонившись, пропустилъ мимо себя „дорогого" посѣтителя; получивъ же благодарность, быстро скрылся, точно бѣжалъ. Николай Всеволодовичъ вступилъ въ небольшую комнату и почти въ ту же минуту въ дверяхъ сосѣдней комнаты показался высокій и сухощавый человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, въ простомъ домашнемъ подрясникѣ и на видъ какъ будто нѣсколько больной, съ неопредѣленною улыбкой и съ страннымъ, какъ бы застѣнчивымъ взглядомъ. Это и былъ тотъ самый Тихонъ, о которомъ Николай Всеволодовичъ въ первый разъ услыхалъ отъ Шатова и о которомъ онъ, съ тѣхъ поръ, успѣлъ и самъ мимоходомъ собрать кое-какія свѣдѣнія.

Свѣдѣнія были разнообразны и противоположны, но имѣли и нѣчто общее, именно то, что любившіе и нелюбившіе Тихона (а таковые были), всѣ о немъ какъ-то умалчивали—нелюбившіе, вѣроятно, отъ пренебреженія, а приверженцы и даже горячіе—отъ какой-то скромности, что-то какъ будто хотѣли утаить, какую-то его слабость, можетъ быть, юродство. Николай Всеволодовичъ узналъ, что онъ уже лѣтъ шесть какъ проживаетъ въ монастырѣ, и что приходятъ къ нему и изъ самаго простого народа, и изъ знатнѣйшихъ особъ; что даже въ отдаленномъ Петербургѣ есть у него горячіе почитатели и преимущественно почитательницы. Зато услышалъ отъ одного осанистаго нашего „клуб-

наго“ старичка, и старичка богомольнаго, и такой отзывъ, что „этотъ Тихонъ чуть-ли не сумасшедшій [1]) и, безъ сомнѣнія, выпиваетъ“. Прибавлю отъ себя, забѣгая впередъ, что послѣднее—рѣшительный вздоръ, а есть одна только закоренѣлая ревматическая болѣзнь въ ногахъ и по временамъ какія-то нервныя судороги. Узналъ тоже Николай Всеволодовичъ, что проживавшій на спокоѣ архіерей по слабости-ли характера или „по непростительной и несвойственной его сану разсѣянности“ не съумѣлъ внушить къ себѣ въ самомъ монастырѣ особливаго уваженія. Говорили, что отецъ архимандритъ, человѣкъ суровый и строгій относительно своихъ настоятельскихъ обязанностей и, сверхъ того, извѣстный ученостію, даже питалъ къ нему нѣкоторое будто бы враждебное чувство и осуждалъ его (не въ глаза, а косвенно) въ небрежномъ житіи и чуть ли не въ ереси. Монастырская же братія тоже какъ будто относилась къ больному святителю не то, чтобъ очень небрежно, а, такъ сказать, фамильярно. Двѣ комнаты, составлявшія келью Тихона, были убраны тоже какъ-то странно. Рядомъ съ дубоватою старинною мебелью съ протертой кожей стояли три-четыре изящныя вещицы: богатѣйшее покойное кресло, большой письменный столъ превосходной отдѣлки, изящный рѣзной шкафъ для книгъ, столики, этажерки, все разумѣется, дареное. Былъ дорогой бухарскій коверъ, а рядомъ съ нимъ и цыновки. Были гравюры „свѣтскаго“ содержанія и изъ временъ миѳологическихъ, а тутъ же въ углу большой кіотъ, съ сіявшими золотомъ и серебромъ иконами, изъ которыхъ одна древнѣйшихъ временъ съ мощами. Библіотека тоже, говорили, была составлена слишкомъ ужъ многоразлично и противоположно: рядомъ съ сочиненіями великихъ святителей и подвижниковъ христіанства, находились сочиненія „театральныя и романы, а можетъ быть, и гораздо хуже“.

Послѣ первыхъ привѣтствій, произнесенныхъ почему-то съ явною обоюдною неловкостію, поспѣшно и даже неразборчиво, Тихонъ провелъ гостя въ свой кабинетъ и, все какъ будто спѣша, усадилъ на диванѣ, передъ столомъ, а

---

[1]) После: „сумасшедшій“ зачеркнуто: „и по крайней мѣрѣ, совершенно бездарное существо“.

самъ помѣстился подлѣ, въ плетеныхъ креслахъ [1]). Тутъ къ удивленію, Николай Всеволодовичъ совсѣмъ потерялся. Похоже было какъ бы рѣшался изъ всѣхъ силъ на что-то чрезвычайное и неоспоримое, и въ то же время почти для него невозможное. Онъ съ минуту осматривался въ кабинетѣ, видимо не замѣчая разсматриваемаго [2]); онъ задумался, но, можетъ быть, не зная о чемъ. Его разбудила тишина, и ему вдругъ показалось, что Тихонъ какъ будто стыдливо потупляетъ глаза съ какой-то совсѣмъ ненужной [3]) улыбкой. Это мгновенно возбудило въ немъ отвращеніе и бунтъ; онъ хотѣлъ встать и уйти; по мнѣнію его, Тихонъ былъ рѣшительно пьянъ. Но тотъ вдругъ поднялъ глаза и посмотрѣлъ на него такимъ твердымъ и полнымъ мысли взглядомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такимъ неожиданнымъ и загадочнымъ выраженіемъ, что онъ чуть не вздрогнулъ. И вотъ ему вдругъ показалось совсѣмъ другое: что Тихонъ уже знаетъ, зачѣмъ онъ пришелъ, уже предувѣдомленъ (хотя въ цѣломъ мірѣ никто не могъ знать этой причины) и, если не заговариваетъ первый самъ, то щадя его, пугаясь его униженія.

— Вы меня знаете? спросилъ онъ вдругъ отрывисто,— рекомендовался я вамъ или нѣтъ, когда вошелъ. Извините, я такъ разсѣянъ...

— Вы не рекомендовались, но я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ однажды еще года четыре назадъ, здѣсь въ монастырѣ... случайно.

Тихонъ говорилъ очень неспѣшно и ровно, голосомъ мягкимъ, ясно и отчетливо выговаривая слова.

— Я не былъ въ здѣшнемъ монастырѣ четыре года назадъ, съ какой-то ненужною грубостью возразилъ Николай Всеволодовичъ;—я былъ здѣсь только маленькимъ, когда васъ еще тутъ совсѣмъ не было.

— Можетъ быть, забыли? осторожно и не настаивая замѣтилъ Тихонъ.

---

[1]) После слов: „плетеныхъ креслахъ“ первоначально следовало: „Николай Всеволодовичъ все былъ въ большой разсѣянности отъ какого-то внутренняго подавлявшаго его волненія“.

[2]) После слова: „разсматриваемаго“ первоначально: „онъ думалъ и, конечно, не зналъ о чемъ“.

[3]) Вычеркнуто: „смѣшной“.

— Нѣтъ, не забылъ; и смѣшно, еслибъ я не помнилъ, какъ-то не въ мѣру настаивалъ со своей стороны Ставрогинъ,—вы, можетъ быть, обо мнѣ только слышали и составили какое-нибудь понятіе, а потому и сбились, что сами видѣли.

Тихонъ смолчалъ. Тутъ Николай Всеволодовичъ замѣтилъ, что по лицу его проходитъ иногда нервное содроганіе, признакъ давнишняго нервнаго разслабленія.

— Я вижу только, что вы сегодня нездоровы, сказалъ онъ,—и, кажется, лучше, еслибъ я ушелъ.

Онъ даже привсталъ было съ мѣста.

— Да, я чувствую сегодня и вчера сильныя боли въ ногахъ и ночью спалъ мало...

Тихонъ остановился. Гость его внезапно впалъ въ какую-то неопредѣленную задумчивость. Молчаніе продолжалось долго, минуты двѣ.

— Вы наблюдали за мной? спросилъ онъ вдругъ тревожно и подозрительно.

— Я на васъ смотрѣлъ и припоминалъ черты лица вашей родительницы. При несходствѣ внѣшнемъ много сходства внутренняго, духовнаго.

— Никакого сходства, особенно духовнаго. Даже совершенно никакого! затревожился опять безъ нужды и не въ мѣру настаивая, самъ не зная зачѣмъ Николай Всеволодовичъ.—Это вы говорите такъ... изъ состраданія къ моему положенію [1]). брякнулъ онъ вдругъ.—Ба! развѣ мать моя у васъ бываетъ?

— Бываетъ.

— Не зналъ. Никогда не слыхалъ отъ нея. Часто?

— Почти ежемѣсячно, и чаще.

— Никогда, никогда не слыхалъ. Не слыхалъ,—онъ какъ бы ужасно встревожился этимъ фактомъ. А вы, конечно, слышали отъ нея, что я помѣшанный, брякнулъ онъ опять.

— Нѣтъ, не то, чтобы какъ о помѣшанномъ. Впрочемъ, и объ этой идеѣ слышалъ, но отъ другихъ.

— Вы, стало быть, очень памятливы, коли могли о такихъ пустякахъ припомнить. А о пощечинѣ слышали?

— Слышалъ нѣчто.

---

[1]) Вычеркнуто: „и вздоръ“

— То-есть все. Ужасно много у васъ времени слушать. И о дуэли [1])?

— И объ дуэли.

— Вотъ гдѣ газетъ не надо. Шатовъ предупреждалъ васъ обо мнѣ?

— Нѣтъ. Я, впрочемъ, знаю господина Шатова, но давно уже не видалъ его.

— Гм... Что это у васъ тамъ за карта? Ба, карта послѣдней войны! Вамъ-то это зачѣмъ?

— Справлялся по ландкартѣ съ текстомъ. Интереснѣйшее описаніе.

— Покажите; да, изложеніе не дурное [2]). Странное однако же для васъ чтеніе.

Онъ придвинулъ къ себѣ книгу и мелькомъ взглянулъ на нее. Это было одно объемистое и талантливое изложеніе обстоятельствъ послѣдней войны, не столько, впрочемъ въ военномъ, сколько въ чисто литературномъ отношеніи. Повертѣвъ книгу, онъ вдругъ нетерпѣливо отбросилъ ее.

— Я рѣшительно не знаю, зачѣмъ я пришелъ сюда, брезгливо произнесъ онъ, смотря прямо въ глаза Тихону, будто ожидая отъ него же отвѣта.

— Вы тоже какъ бы не очень здоровы.

— Да, пожалуй [3]).

И вдругъ онъ, впрочемъ, въ самыхъ краткихъ и отрывистыхъ словахъ, такъ что иное трудно было и понять, разсказалъ, что онъ подверженъ, особенно по ночамъ, нѣкотораго рода галюсинаціямъ, что онъ видитъ иногда или чувствуетъ подлѣ себя какое-то злобное существо, насмѣшливое и „разумное", „въ разныхъ лицахъ и въ разныхъ характерахъ, но оно одно и то же, а я всегда злюсь!"...

Дики и сбивчивы были эти открытія и дѣйствительно какъ бы шли отъ помѣшаннаго. Но при этомъ Николай Всеволодовичъ говорилъ съ такою странною откровенностью, невиданною въ немъ никогда, съ такимъ простодушіемъ, совершенно ему несвойственнымъ, что, казалось, въ немъ вдругъ и нечаянно исчезъ прежній человѣкъ со-

---

[1]) После: „и о дуэли" первоначально: „Вы много очень здѣсь слышали" (зачеркнуто).

[2]) Первоначально: „это недурное изложеніе".

[3]) „Да, пожалуй"—первоначально: „Да нездоровъ".

вершенно. Онъ нисколько не постыдился обнаружить тотъ страхъ, съ которымъ говорилъ о своемъ привидѣніи. Но все это было мгновенно и такъ же вдругъ исчезло, какъ и явилось.

— Все это вздоръ, быстро и съ неловкой досадой проговорилъ онъ, спохватившись.—Я схожу къ доктору.

— Несомнѣнно сходите, подтвердилъ Тихонъ.

— Вы такъ говорите утвердительно... Вы видали такихъ, какъ я, съ такими видѣніями?

— Видывалъ, но очень рѣдко. Запомню лишь одного такого же въ моей жизни, изъ военныхъ офицеровъ, послѣ потери имъ своей супруги, незамѣнимой для него подруги жизни. О другомъ лишь слышалъ. Оба лѣчились потомъ [1]) заграницей... И давно вы сему подвержены?

— Около году, но все это вздоръ. Я схожу къ доктору. И все это вздоръ, вздоръ ужасный. Это я самъ въ разныхъ видахъ, и больше ничего. Такъ какъ я прибавилъ сейчасъ эту... фразу, то вы навѣрно думаете, что я все еще сомнѣваюсь и не увѣренъ, что это я, а не въ самомъ дѣлѣ бѣсъ.

Тихонъ посмотрѣлъ вопросительно.

— И... вы видите его дѣйствительно? спросилъ онъ, то-есть устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, что это несомнѣнно фальшивая и болѣзненная галюсинація,—видите ли вы въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь образъ?

— Странно, что вы объ этомъ настаиваете, тогда какъ я уже сказалъ вамъ, что вижу, сталъ опять раздражаться съ каждымъ словомъ Ставрогинъ,—разумѣется, вижу, вижу такъ, какъ васъ... а иногда вижу и не увѣренъ, что вижу, хоть и вижу... а иногда [2]) не знаю, что правда: я или онъ... вздоръ все это. А вы развѣ никакъ не можете предположить, что это въ самомъ дѣлѣ бѣсъ! прибавилъ онъ, засмѣявшись и слишкомъ рѣзко переходя въ насмѣшливый тонъ,—вѣдь это было бы сообразнѣе съ вашей профессіей.

— Вѣроятнѣе, что болѣзнь, хотя...

— Хотя что?

— Бѣси существуютъ несомнѣнно, но пониманіе о нихъ можетъ быть весьма различное.

---

[1]) Вместо: „лѣчились потомъ“ первоначально: были излѣчены“.

[2]) После: „хоть и вижу... а иногда“ зачеркнуто: „не увѣренъ, что я вижу и“.

— Вы оттого опять опустили сейчасъ глаза, подхватилъ Ставрогинъ съ раздражительной насмѣшкой,— что вамъ стало стыдно за меня, что я въ бѣса-то вѣрую, но подъ видомъ того, что не вѣрую, хитро задаю вамъ вопросъ: есть ли онъ или нѣтъ въ самомъ дѣлѣ?

Тихонъ неопредѣленно улыбнулся [1]).

— Ну такъ знайте, что я вовсе не стыжусь и чтобы удовлетворить васъ за грубость, я вамъ серьезно и нагло скажу: я вѣрую въ бѣса, вѣрую канонически, въ личнаго, не въ аллегорію, и мнѣ ничего не нужно ни отъ кого выпытывать, вотъ вамъ и все [2]).

Онъ нервно, неестественно засмѣялся. Тихонъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на него, но какъ бы нѣсколько робкимъ, хотя и мягкимъ взглядомъ.

— Въ Бога вѣруете? брякнулъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Вѣрую!

— Вѣдь сказано, если вѣруешь и прикажешь горѣ сдвинуться, то она сдвинется... впрочемъ извините меня за вздоръ. Однако я всетаки хочу полюбопытствовать: сдвинете вы гору или нѣтъ?

— Богъ повелитъ, и сдвину, тихо и сдержанно произнесъ Тихонъ, начиная опять опускать глаза.

— Ну, это все равно, что Самъ Богъ сдвинетъ. Нѣтъ, вы, вы, въ награду за вашу вѣру въ Бога?

— Можетъ быть и не сдвину.

— „Можетъ быть"? [3]) Ну и это не дурно. А впрочемъ все еще сомнѣваетесь?

— По несовершенству вѣры моей сомнѣваюсь.

— Какъ и вы несовершенно вѣруете?

— Да... можетъ быть, вѣрую и не въ совершенствѣ— отвѣтилъ Тихонъ.

— Вотъ бы не предположилъ, на васъ глядя!— окинулъ онъ вдругъ его глазами съ нѣкоторымъ удивленіемъ, совсѣмъ

---

[1]) После: „улыбнулся" зачеркнуто: „И знаете, вамъ вовсе не идетъ опускать глаза: неестественно, смѣшно и манерно".

[2]) После: „все" зачеркнуто: „Вы должны быть ужасно рады".

[3]) После: „можетъ быть" зачеркнуто: „Это не дурно. Почему же вы сомнѣваетесь?—„Не совершенно вѣрую".

уже прямодушнымъ, что вовсе не гармонировало съ насмѣшливымъ тономъ предыдущихъ вопросовъ.

— Ну всетаки, однако же вѣруете, что хоть съ Божіею — то помощью сдвинете, и это вѣдь не мало. По крайней мѣрѣ, хотите вѣровать. И гору принимаете буквально. Хорошій принципъ. Я замѣтилъ, что передовые изъ нашихъ Левитовъ сильно наклонены къ лютеранству. Это всетаки побольше, чѣмъ très peu одного тоже архіепископа, правда, подъ саблей. Вы, конечно, и христіанинъ. Ставрогинъ говорилъ быстро, слова сыпались, то серіозно, то насмѣшливо.

— Креста Твоего, Господи, да не постыжуся,— почти прошепталъ Тихонъ, какимъ-то страстнымъ шепотомъ и склоняя еще болѣе голову [1]).

— А можно ль вѣровать въ бѣса, не вѣруя въ Бога, засмѣялся Ставрогинъ.

— О, очень можно, сплошь и рядомъ, поднялъ глаза Тихонъ и улыбнулся.

— И увѣренъ, что такую вѣру вы находите всетаки почтеннѣе, чѣмъ полное безвѣріе...[2]) захохоталъ Ставрогинъ.

— Напротивъ, полный атеизмъ почтеннѣе свѣтскаго равнодушія, повидимому весело и простодушно, отвѣтилъ Тихонъ.

— Ого, вотъ вы какъ!

— Совершенный атеистъ стоитъ на предпослѣдней верхней ступени до совершеннѣйшей вѣры (тамъ перешагнетъ ли ее, нѣтъ ли), а равнодушный никакой уже вѣры не имѣетъ, кромѣ дурного страха, да и то лишь изрѣдка, если чувствительный человѣкъ.

— Гм... вы читали Апокалипсисъ?

— Читалъ.

— Помните: „Ангелу Лаодикійской церкви напиши"...

— Помню [3]).

— Гдѣ у васъ книга, какъ-то странно заторопился и

---

[1]) После: „голову" зачеркнуто: „уголки губъ его вдругъ задергались нервно и быстро".

[2]) После: „безвѣріе" зачеркнуто: „О, попъ!"

[3]) После: „помню" — „Прелестныя слова" — зачеркнуто. Далее: „Прелестныя, странныя слова для архіерея, и вообще вы чудакъ" зачеркнуто.

затревожился Ставрогинъ, ища глазами на столѣ книгу,— мнѣ хочется вамъ прочесть... русскій переводъ есть?

— Я знаю мѣсто, помню,—проговорилъ Тихонъ.

— Помните наизусть? Прочтите...

Онъ быстро опустилъ глаза, уперъ обѣ ладони въ колѣни и нетерпѣливо приготовился слушать. Тихонъ прочелъ, припоминая слово въ слово:

„И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: знаю твоя дѣла, ни холоденъ, ни горячъ, о если бы ты былъ холоденъ или горячъ. Но поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то изблюю тебя изъ устъ моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты жалокъ и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ“...

— Довольно, оборвалъ Ставрогинъ [1]). Знаете, я васъ очень люблю.

— И я васъ, отозвался вполголоса Тихонъ.

Ставрогинъ замолкъ и вдругъ впалъ опять въ давешнюю задумчивость. Это происходило точно припадками, уже въ третій разъ. Да и Тихону сказалъ онъ „люблю“ тоже чуть не въ припадкѣ, по крайней мѣрѣ, неожиданно для себя самого. Прошло болѣе минуты.

— Не серди(те)сь, прошепталъ Тихонъ, чуть-чуть дотронувшись пальцемъ до его локтя и какъ-бы самъ робѣя.

Тотъ вздрогнулъ и гнѣвно нахмурилъ брови.

— Почему вы узнали, что я разсердился, быстро произнесъ онъ. Тихонъ хотѣлъ было что-то сказать, но онъ вдругъ перебилъ его въ необъяснимой тревогѣ:

— Почему вы именно предположили, что я непремѣнно долженъ былъ разозлиться. Да, я былъ золъ, вы правы, и именно за то, что вамъ сказалъ „люблю“. Вы правы, но вы грубый циникъ, вы унизительно думаете о природѣ человѣческой. Злобы могло и не быть, будь только другой человѣкъ, а не я... Впрочемъ, дѣло не о человѣкѣ, а обо мнѣ. Все-таки вы чудакъ и юродивый...

Онъ раздражался все больше и больше и, странно, не стѣснялся въ словахъ:

---

[1]) Послѣ: „оборвалъ Ставрогинъ“ зачеркнуто: „это для середины, это для равнодушныхъ, такъ ли?“

— Слушайте, я не люблю шпіоновъ и психологовъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, которые въ мою душу лѣзутъ. Я никого не зову въ мою душу, я ни въ комъ не нуждаюсь, я умѣю самъ обойтись. Вы думаете, я васъ боюсь,—возвысилъ онъ голосъ и съ вызывомъ приподнялъ лицо;—вы ссвершенно убѣждены, что я пришелъ вамъ открыть одну „страшную“ тайну и ждете ее со всѣмъ келейнымъ любопытствомъ, къ которому вы способны. Ну, такъ знайте, что я вамъ ничего не открою, никакой тайны, потому что совершенно безъ васъ могу обойтись...[1])

Тихонъ твердо посмотрѣлъ на него:

— Васъ поразило, что Агнецъ любитъ лучше холоднаго, чѣмъ только лишь теплаго, сказалъ онъ, — вы не хотите быть только теплымъ. Предчувствую, что васъ беретъ намѣреніе чрезвычайное, можетъ быть, ужасное. Умоляю, не мучьте себя и скажите все[2]).

— А вы навѣрно знали, что я съ чѣмъ-то пришелъ.

— Я... угадалъ[3]), прошепталъ Тихонъ, опуская глаза.

Николай Всеволодовичъ былъ нѣсколько блѣденъ, руки его немного дрожали. Нѣсколько секундъ онъ неподвижно и молча смотрѣлъ, какъ-бы рѣшаясь окончательно. Наконецъ, вынулъ изъ бокового кармана своего сюртука какіе-то печатные листики и положилъ на столъ.

— Вотъ листки, назначенные къ распространенію, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ. — Если прочтетъ хоть одинъ человѣкъ, то знайте, что я уже ихъ не скрою, а прочтутъ и всѣ. Такъ рѣшено. Я въ васъ не нуждаюсь совсѣмъ, потому что я все рѣшилъ. Но прочтите... Когда будете читать, ничего не говорите, а какъ прочтете — скажите все...

— Читать-ли? нерѣшительно спросилъ Тихонъ.

— Читайте; я спокоенъ.

— Нѣтъ, безъ очковъ не разберу, печать тонкая, заграничная.

---

1) Вместо: „совершенно“ и т. д. первоначально: „въ васъ совсѣмъ не нуждаюсь“.

2) После: „скажите все“ зачеркнуто: „съ чѣмъ пришли“.

3) После: „угадалъ“ зачеркнуто: „по лицу“.

— Вотъ очки, подалъ ему со стола Ставрогинъ и отклонился на спинку дивана. Тихонъ не смотрѣлъ на него и углубился въ чтеніе.

II.

Печать была дѣйствительно заграничная — три отпечатанныхъ и сброшюрованныхъ листочка обыкновенной почтовой бумаги малаго формата. Должно быть, отпечатано было секретно въ какой-нибудь заграничной русской типографіи, и листки съ перваго взгляда очень походили на прокламацію. Въ заголовкѣ стояло: Отъ Ставрогина.

Вношу въ мою лѣтопись этотъ документъ буквально [1]). Я позволилъ себѣ исправить орфографическія ошибки, довольно многочисленныя и даже нѣсколько меня удивившія, такъ какъ авторъ всетаки былъ человѣкъ образованный и даже начитанный (конечно, судя относительно). Въ слогѣ же измѣненій не сдѣлалъ никакихъ, несмотря на неправильности. Во всякомъ случаѣ явно, что авторъ прежде всего не литераторъ [2]).

---

[1]) „После: „буквально“ зачеркнуто: „надо полагать, что онъ уже многимъ теперь извѣстенъ“.

[2]) После слов: „прежде всего не литераторъ“ в гранке рукою Достоевского написано: „одного замѣчанья, только одного“. В тексте начала I гл., приложенном к VIII т. юбилейного издания, здесь имеется след. пассаж, в гранках отсутствующий:

„Позволю себѣ еще замѣчаніе, хотя и забѣгаю впередъ. Документъ этотъ, по моему, дѣло болѣзненное, дѣло бѣса, овладѣвшаго этимъ господиномъ. Похоже на то, когда страдающій острою болью мечется въ постели, желая найти положеніе, чтобы хотя на мигъ облегчить себя. Даже не облегчить, а лишь бы только замѣнить хотя на минуту прежнее страданіе другимъ. И тутъ уже, разумѣется, не до красивости или разумности положенія. Основная мысль документа—страшная, непритворная потребность кары, потребность креста, всенародной казни. А между тѣмъ эта потребность креста всетаки въ человѣкѣ невѣрующемъ въ крестъ, и ужъ это одно составляетъ „идею“, какъ однажды выразился Степанъ Трофимовичъ въ другомъ впрочемъ случаѣ. Съ другой стороны весь документъ въ то же время есть нѣчто буйное и азартное, хотя и написанъ, повидимому, съ другой цѣлью. Авторъ объявляетъ, что онъ не могъ не написать, что онъ былъ „принужденъ“, и это довольно вѣроятно, онъ радъ бы миновать эту чашу, если бы могъ, но онъ, дѣйствительно, кажется, не могъ и ухватился

Отъ Ставрогина.

Я, Николай Ставрогинъ, отставной офицеръ, въ 186 . г. жилъ въ Петербургѣ, предаваясь разврату, въ которомъ не находилъ удовольствія. У меня было тогда въ продолженіи нѣкотораго времени три квартиры. Въ одной проживалъ я самъ въ номерахъ со столомъ и прислугою, гдѣ находилась тогда и Марья Лебядкина, нынѣ законная жена моя. Другія же квартиры мои я нанялъ тогда помѣсячно для интриги: въ одной принималъ одну любившую меня даму, а въ другой ея горничную и нѣкоторое время былъ очень занятъ намѣреніемъ свести ихъ обѣихъ такъ, чтобы барыня и дѣвка у меня встрѣтились [1]). Зная оба характера, ожидалъ себѣ отъ этой шутки большого удовольствія.

Приготовляя исподволь эту встрѣчу, я долженъ былъ чаще посѣщать одну изъ сихъ двухъ квартиръ въ большомъ домѣ въ Гороховой, такъ какъ сюда приходила та горничная. Тутъ у меня была одна лишь комната, въ четвертомъ этажѣ, нанятая отъ мѣщанъ изъ русскихъ. Сами они помѣщались рядомъ въ другой—тѣснѣе и до того, что дверь раздѣлявшая всегда стояла отворенной, чего я и хотѣлъ. Мужъ у кого-то былъ въ конторѣ и уходилъ съ утра до ночи. Жена, баба лѣтъ сорока, что-то разрѣзывала и сшивала изъ стараго въ новое и тоже нерѣдко уходила изъ дому относить, что нашила. Я оставался

лишь за удобный случай къ новому буйству. Да, больной мечется въ постели и хочетъ замѣнить одно страданіе другимъ, и вотъ борьба съ обществомъ показалась ему положеніемъ легчайшимъ, и онъ бросаетъ ему вызовъ.

Дѣйствительно, въ самомъ фактѣ подобнаго документа предчувствуется новый неожиданный и непростительный вызовъ обществу. Тутъ поскорѣе бы только встрѣтить какого-нибудь врага.

А кто знаетъ, можетъ быть, все это, то-есть листки съ предназначенною имъ публикаціей, опять таки не что иное, какъ то же самое прикушенное губернаторское ухо въ другомъ только видѣ. Почему это даже мнѣ теперь приходитъ въ голову, когда уже такъ много объяснилось—не могу понять. Я и не привожу доказательствъ и вовсе не утверждаю, что документъ фальшивый, то-есть совершенно выдуманный и сочиненный. Вѣроятнѣе всего, что правды надо искать гдѣ-нибудь въ серединѣ. А впрочемъ, я уже слишкомъ забѣжалъ впередъ; вѣрнѣе обратиться къ самому документу. Вотъ что прочелъ Тихонъ". Здесь обрывается первая глава в приложении к VIII т. изд. 1906 г.

[1]) После: „у меня встрѣтились" зачеркнуто: „при моихъ пріятеляхъ и при мужѣ".

одинъ съ ихъ дочерью [1]), совсѣмъ ребенкомъ на видъ. Ее звали Матрешей. Мать ее любила, но часто била и по ихъ привычкѣ ужасно кричала на нее по-бабьи. Эта дѣвочка мнѣ прислуживала и убирала у меня за ширмами. Объявляю, что я забылъ нумеръ дома. Теперь по справкѣ знаю, что старый домъ сломанъ, и на мѣстѣ двухъ или трехъ прежнихъ домовъ стоитъ одинъ новый очень большой. Забылъ тоже имя моихъ мѣщанъ (а можетъ быть, и тогда не зналъ). Помню, что мѣщанку звали Степанидой, кажется, Михайловной. Его не помню [2]). Полагаю, что, если очень начать искать и дѣлать возможныя справки въ Петербургской полиціи, то найти слѣды можно. Квартира была на дворѣ, въ углу. Все произошло въ іюнѣ. Домъ былъ свѣтло-голубого цвѣта.

Однажды у меня со стола пропалъ перочинный ножикъ, который мнѣ вовсе былъ не нуженъ и валялся такъ. Я сказалъ хозяйкѣ, никакъ не думая о томъ, что она высѣчетъ дочь. Но та только что кричала на дѣвочку [3]) за пропажу какой-то тряпки, подозрѣвая, что та ее стащила, и даже отодрала ее за волосы. Когда же эта самая тряпка нашлась подъ скатертью, дѣвочка не захотѣла сказать ни слова въ попрекъ и смотрѣла молча. Я это замѣтилъ и тутъ же въ первый разъ хорошо замѣтилъ лицо дѣвочки, а до тѣхъ поръ оно лишь мелькало. Она была бѣлобрысая и весноватая, лицо обыкновенное, но очень много дѣтскаго и тихаго, чрезвычайно тихаго. Матери не понравилось, что дочь не попрекнула за битье даромъ, и она замахнулась на нее кулакомъ, но не ударила, а тутъ какъ разъ подоспѣлъ мой ножикъ. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ насъ троихъ, никого не было, а ко мнѣ за ширмы входила только дѣвочка. Баба остервенилась, потому что въ первый разъ прибила несправедливо, бросилась къ вѣнику, нарвала изъ него прутьевъ и высѣкла дѣвченку до рубцовъ на моихъ глазахъ, несмотря на то, что ей уже былъ двѣнадцатый годъ. Матреша отъ розогъ не кричала, вѣроятно потому, что я

[1]) После: „съ ихъ дочерью“ зачеркнуто: „думаю, лѣтъ четырнадцати“.

[2]) После: „не помню“ зачеркнуто: „чьихъ они, откуда и куда теперь дѣлись, совсѣмъ не знаю“.

[3]) После: „дѣвочку“ зачеркнуто: „(я жилъ просто, и они со мной не церемонились)“.

былъ тутъ, но какъ-то странно всхлипывала при каждомъ ударѣ. И потомъ очень всхлипывала цѣлый часъ.

Но прежде того было вотъ что: въ ту самую минуту, когда хозяйка бросилась къ вѣнику, чтобы надергать розогъ, я нашелъ ножикъ на моей кровати, куда онъ какъ-нибудь упалъ со стола. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову не объявлять, для того, чтобы ее высѣкли. Рѣшился я мгновенно; въ такія минуты у меня всегда прерывается дыханіе. Но я намѣренъ разсказать все въ болѣе твердыхъ словахъ, чтобъ ужъ ничего болѣе не оставалось скрытаго.

Всякое чрезвычайно позорное, безъ мѣры унизительное, подлое и, главное, смѣшное положеніе, въ каковыхъ мнѣ случалось бывать въ моей жизни, всегда возбуждало во мнѣ рядомъ съ безмѣрнымъ гнѣвомъ неимовѣрное наслажденіе. Точно также и въ минуты преступленій и въ минуты опасности жизни. Если бъ что-нибудь кралъ, то я бы чувствовалъ при совершеніи кражи упоеніе отъ сознанія глубины моей подлости. Не подлость я любилъ (тутъ разсудокъ мой бывалъ совершенно цѣлъ), но упоеніе мнѣ нравилось отъ мучительнаго сознанія низости. Равно всякій разъ, когда я, стоя на барьерѣ, выжидалъ выстрѣла противника, то ощущалъ то же самое позорное и неистовое ощущеніе, а однажды чрезвычайно сильно. Сознаюсь, что часто я самъ искалъ его, потому что оно для меня сильнѣе всѣхъ въ этомъ родѣ. Когда я получалъ пощечину (а я получилъ ихъ двѣ въ мою жизнь), то и тутъ это было, несмотря на ужасный гнѣвъ. Но если сдержать при этомъ гнѣвъ, то наслажденіе превыситъ все, что можно вообразить. Никогда я не говорилъ о томъ никому, даже намекомъ и скрывалъ какъ стыдъ и позоръ. Но когда меня разъ больно били въ кабакѣ въ Петербургѣ и таскали за волосы, я не чувствовалъ этого ощущенія, а только неимовѣрный гнѣвъ, не бывъ пьянъ, и лишь дрался. Но если бы схватилъ меня за волосы и нагнулъ заграницей тотъ французъ виконтъ, который ударилъ меня по щекѣ и которому я отстрѣлилъ за это нижнюю челюсть, то я бы почувствовалъ упоеніе и, можетъ, быть, не чувствовалъ бы и гнѣва. Такъ мнѣ тогда показалось.

Все это для того, чтобы всякій зналъ, что никогда это чувство не покоряло меня всего совершенно, а всегда остава-

лось сознаніе самое полное (да на сознаніи—то все и основывалось). И хотя овладѣвало мною до безразсудства, или, такъ сказать, до упрямства, но никогда до забвенія себя. Доходя во мнѣ до совершеннаго огня, я въ то же время могъ совсѣмъ одолѣть его, даже остановить въ верхней точкѣ; только самъ никогда не хотѣлъ останавливать. Я убѣжденъ, что могъ бы прожить цѣлую жизнь, какъ монахъ, несмотря на звѣриное сладострастье, которымъ одаренъ и которое всегда вызывалъ [1]). Я всегда господинъ себѣ, когда захочу. Итакъ пусть извѣстно, что я ни средой, ни болѣзнями безотвѣтственности въ преступленіяхъ моихъ искать не хочу.

Кончилась экзекуція, я положилъ ножикъ въ жилетный карманъ и, не сказавъ ни слова, выйдя изъ дома, выбросилъ на улицу, отойдя очень далеко, такъ чтобы никто никогда не узналъ. Потомъ я выждалъ два дня. Дѣвочка, поплакавъ, стала еще молчаливѣе; на меня же, я убѣжденъ, не имѣла злобнаго чувства. Впрочемъ, навѣрно, былъ нѣкоторый стыдъ за то, что ее наказали въ такомъ видѣ при мнѣ [2]). Но и въ стыдѣ этомъ она, какъ ребенокъ, винила, навѣрно, одну себя [3]).

Вотъ тогда-то въ эти два дня я и задалъ себѣ разъ вопросъ, могу ли я бросить и уйти отъ замышленного намѣренія, и я тотчасъ почувствовалъ, что могу, могу во всякое время и сію минуту. Я около того времени хотѣлъ убить себя отъ болѣзни равнодушія; впрочемъ не знаю отъ чего. Въ эти же два-три дня (такъ какъ непремѣнно надо было выждать, чтобы дѣвочка все забыла) я, вѣроятно, чтобы отвлечь себя отъ безпрерывной мечты или только на смѣхъ, сдѣлалъ въ номерахъ кражу. Это была единственная кража въ моей жизни.

Въ этихъ номерахъ гнѣздилось много людей. Между прочимъ и жилъ одинъ чиновникъ съ семействомъ въ двухъ меблированныхъ комнаткахъ, лѣтъ сорока, не совсѣмъ глупый и имѣвшій приличный видъ, но бѣдный. Я съ нимъ не

---

[1]) После: „всегда вызывалъ“ зачеркнуто: „Предаваясь до 16 лѣтъ съ необыкновенной неумѣренностью пороку, въ которомъ исповѣдывался Ж. Ж. Руссо, я прекратилъ въ ту минуту, когда положилъ, на 17 году“.

[2]) После: „мнѣ“ зачеркнуто: „она не кричала, а только всхлипывала подъ ударами, конечно, потому, что тутъ стоялъ я и все видѣлъ“.

[3]) После: „себя“ зачеркнуто: „до сихъ поръ она можетъ быть только боялась меня, но не лично, а какъ постояльца, человѣка чужого, и, кажется, была очень робка“.

сходился, и компаніи, которая тамъ окружала меня, онъ боялся. Онъ только что получилъ жалованье тридцать пять рублей. Главное натолкнуло меня, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ въ ту минуту нужны были деньги (хотя я черезъ четыре дня и получилъ съ почты), такъ что я кралъ, какъ будто изъ нужды. а не изъ шутки. Сдѣлано было нагло и явственно: я просто вошелъ въ его номеръ, когда жена, дѣти и онъ обѣдали въ другой каморкѣ. Тутъ на стулѣ, у самой двери лежалъ сложенный вицъ-мундиръ. У меня вдругъ блеснула эта мысль еще въ корридорѣ. Я запустилъ руку въ карманъ и вытащилъ портъ-моне. Но чиновникъ услышалъ шорохъ и выглянулъ изъ каморки. Онъ, кажется, даже видѣлъ. по крайней мѣрѣ, что-нибудь, но такъ какъ не все, то, конечно, и не повѣрилъ глазамъ. Я сказалъ, что, проходя корридоромъ, зашелъ взглянуть, который часъ на его стѣнныхъ. „Стоятъ-съ“, отвѣчалъ онъ, я и вышелъ.

Тогда я много пилъ, и въ номерахъ у меня была цѣлая ватага, въ томъ числѣ и Лебядкинъ. Портъ-моне я выбросилъ съ мелкими деньгами, а бумажки оставилъ. Было тридцать два рубля, три красныхъ и двѣ желтыхъ. Я тотчасъ же размѣнялъ красную и послалъ за шампанскимъ; потомъ еще послалъ красную, а затѣмъ и третью. Часа черезъ четыре, и уже вечеромъ, чиновникъ выждалъ меня въ корридорѣ.

— Вы, Николай Всеволодовичъ, когда давеча заходили, не сронили ли нечаянно со стула вицъ-мундиръ..... у двери лежалъ?

— Нѣтъ, не помню, а у васъ лежалъ вицъ-мундиръ?

— Да, лежалъ-съ.

— На полу?

— Сначала на стулѣ, а потомъ на полу.

— Что жъ вы его подняли?

— Поднялъ.

— Ну, такъ чего жъ вамъ еще?

— Да коли такъ, такъ и ничего-съ.....

Онъ договорить не посмѣлъ, да и въ номерахъ не посмѣлъ никому сказать,—до того бываютъ робки эти люди. Впрочемъ въ номерахъ всѣ меня боялись ужасно и почитали. Я потомъ любилъ съ нимъ встрѣчаться глазами, раза два въ корридорѣ. Скоро наскучило.

Черезъ три дня [1]) я воротился въ Гороховую. Мать куда-то собиралась съ узломъ; мѣщанина, разумѣется, не было остались я и Матреша. Окна были отперты. Въ домѣ все жили мастеровые, и цѣлый день изо всѣхъ этажей слышался стукъ молотковъ или пѣсни. Мы пробыли уже съ часъ. Матреша сидѣла въ своей каморкѣ, на скамеечкѣ, ко мнѣ спиной, и что-то копалась съ иголкой. Наконецъ, вдругъ тихо запѣла, очень тихо, это съ ней иногда бывало. Я вынулъ часы и посмотрѣлъ, который часъ, было два. У меня начинало биться сердце [2]). Я всталъ и началъ къ ней подкрадываться. У нихъ на окнахъ стояло много гераней, и солнце ужасно ярко свѣтило. Я тихо сѣлъ подлѣ нея на полу. Она вздрогнула и сначала неимовѣрно испугалась и вскочила. Я взялъ ея руку и тихо поцѣловалъ, принагнулъ ее опять на скамейку и сталъ смотрѣть ей въ глаза. То, что я поцѣловалъ у ней руку, вдругъ разсмѣшило ее, какъ дитю, но только на одну секунду, потому что она стремительно вскочила въ другой разъ, и уже въ такомъ испугѣ, что судорога прошла по лицу. Она смотрѣла на меня до ужаса неподвижными глазами, а губы стали дергаться, чтобы заплакать, но все-таки не закричала. Я опять поцѣловалъ ей руку и взялъ ее къ себѣ на колѣни [3]). Тогда вдругъ она вся отдернулась и улыбнулась какъ отъ стыда, но какою-то кривою улыбкою. Все лицо вспыхнуло стыдомъ. Я что-то все шепталъ ей, какъ пьяный. Наконецъ, вдругъ случилась такая странность, которую я никогда не забуду и которая привела меня въ удивленіе: дѣвочка обхватила меня за шею руками и начала вдругъ ужасно цѣловать сама. Лицо ея выражало совершенное восхищеніе. Я чуть не всталъ и не ушелъ--такъ это было мнѣ непріятно въ маленькомъ существѣ отъ жалости, которую я вдругъ почувствовалъ [4]).

Когда все кончилось, она была смущена. Я не пробовалъ ее разувѣрять и уже не ласкалъ ея. Она глядѣла на

[1]) Первоначально: „Какъ только кончились три дня“.

[2]) После: „начинало биться сердце“ зачеркнуто: „но тутъ я вдругъ спросилъ себя: могу ли остановиться, и тотчасъ отвѣтилъ, что могу“.

[3]) Первоначально: „цѣловалъ ей лицо и ноги: когда я цѣловалъ ноги“.

[4]) Первоначально: „Я чуть не всталъ и не ушелъ—такъ это было мнѣ непріятно въ такомъ крошечномъ ребенкѣ отъ жалости. Но я преодолѣлъ внезапное чувство моего страха и остался“.

меня, робко улыбаясь. Лицо ея мнѣ показалось вдругъ глупымъ. Смущеніе быстро съ каждою минутой овладѣвало ею все болѣе и болѣе. Наконецъ, она закрыла лицо руками и стала въ уголъ лицомъ къ стѣнѣ неподвижно. Я боялся, что она опять испугается, какъ давеча, и молча ушелъ изъ дому.

Полагаю, что все случившееся должно было ей представиться окончательно, какъ безпредѣльное безобразіе, со смертнымъ ужасомъ. Несмотря на русскія ругательства, которыя она должна была слышать съ пеленокъ, и всякіе странные разговоры, я имѣю полное убѣжденіе, что она еще ничего не понимала. Навѣрное, ей показалось въ концѣ концовъ, что она сдѣлала неимовѣрное преступленіе, и въ немъ смертельно виновата, „Бога убила“.

Въ ту ночь я имѣлъ ту драку въ кабакѣ, о которой мелькомъ упоминалъ. Но я проснулся у себя въ номерахъ на утро, меня привезъ Лебядкинъ. Первая мысль по пробужденіи была о томъ: сказала она или нѣтъ. Это была минута настоящаго страха, хоть и не очень еще сильнаго. Я былъ очень веселъ въ то утро и ужасно ко всѣмъ добръ, и вся ватага была мною очень довольна. Но я бросилъ ихъ всѣхъ и пошелъ въ Гороховую. Я встрѣтился съ нею еще внизу, въ сѣняхъ. Она шла изъ лавочки, куда ее посылали за цикоріемъ. Увидѣвъ меня, она стрѣльнула въ ужасномъ страхѣ вверхъ по лѣстницѣ. Когда я вышелъ, мать уже хлеснула ее [1]) за то, что вбѣжала въ квартиру „сломя голову“, чѣмъ и прикрылась настоящая причина ея испуга. Итакъ, все пока было спокойно. Она куда-то забилась и не входила все время, пока я былъ. Я пробылъ съ часъ и ушелъ.

Къ вечеру я опять почувствовалъ страхъ, но уже несравненно сильнѣе. Конечно, я могъ отпереться, но меня могли и уличить, мнѣ мерещилась каторга. Я никогда не чувствовалъ страху и, кромѣ этого случая въ моей жизни, ни прежде, ни послѣ ничего не боялся. И ужъ особенно Сибири, хотя и могъ быть сосланъ не однажды. Но въ этотъ разъ я былъ испуганъ и дѣйствительно чувствовалъ страхъ, не знаю почему, въ первый разъ въ жизни — ощущеніе, очень мучительное. Кромѣ того, вечеромъ у меня въ номерахъ, я возненавидѣлъ ее до того, что рѣшился убить. Главная нена-

[35]) После: „хлестнула ее“ зачеркнуто: „два раза по щекѣ“.

висть моя при воспоминанiи объ ея улыбкѣ. Во мнѣ рождалось презрѣнiе съ непомѣрною гадливостью за то, какъ она бросилась послѣ всего въ уголъ и закрылась руками, меня взяло неизъяснимое бѣшенство, затѣмъ послѣдовалъ ознобъ, когда же подъ утро сталъ наступать жаръ, меня опять одолѣлъ страхъ, но уже такой сильный, что я никакого мученiя не зналъ сильнѣй. Но я уже не ненавидѣлъ болѣе дѣвочку—по крайней мѣрѣ, до такого пароксизма, какъ съ вечера—не доходило. Я замѣтилъ, что сильный страхъ совершенно прогоняетъ ненависть и чувство мщенiя.

Проснулся я около полудня, здоровый и даже удивился силѣ вчерашнихъ ощущенiй.—Однако же былъ въ дурномъ расположенiи духа и опять-таки принужденъ былъ пойти въ Гороховую, несмотря на все отвращенiе. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось бы въ ту минуту дорогою имѣть съ кѣмъ-нибудь ссору, но только серьезную. Но, придя на Гороховую, я вдругъ нашелъ у себя въ комнатѣ Нину Савельевну, ту горничную, которая уже съ часъ ожидала меня. Эту дѣвушку я совсѣмъ не любилъ, такъ что она пришла сама немного въ страхѣ, не разсержусь ли я за незванный визитъ. Но я вдругъ ей обрадовался. Она была недурна, но скромна и съ манерами, которыя любитъ мѣщанство, такъ что моя баба хозяйка давно уже очень мнѣ хвалила ее. Я засталъ ихъ обѣихъ за кофеемъ, а хозяйку въ чрезвычайномъ удовольствiи отъ прiятной бесѣды. Въ углу ихъ каморки я замѣтилъ Матрешу. Она стояла и смотрѣла на мать и на гостью неподвижно. Когда я вошелъ, она не спряталась, какъ тогда, и не убѣжала. Мнѣ только показалось, что она очень похудѣла и что у ней жаръ. Я приласкалъ Нину и заперъ дверь къ хозяйкѣ, чего давно не дѣлалъ, такъ что Нина ушла совершенно обрадованная. Я ее самъ вывелъ и два дня не возвращался въ Гороховую. Мнѣ уже надоѣло. Я рѣшился все покончить, отказаться отъ квартиры и уѣхать въ Петербургъ.

Но когда я пришелъ, чтобы отказаться отъ квартиры, я засталъ хозяйку въ тревогѣ и въ горѣ: Матреша была больна уже третiй день, каждую ночь лежала въ жару и ночью бредила. Разумѣется, я спросилъ, объ чемъ она бредитъ (мы говорили шопотомъ въ моей комнатѣ), она мнѣ зашептала, что бредитъ „ужасти“: „Бога убила“. Я пред-

ложилъ привести доктора на мой счетъ, но она не захотѣла: „Богъ дастъ и такъ пройдетъ, не все лежитъ, днемъ-то выходитъ, сейчасъ въ лавочку сбѣгала". Я рѣшился застать Матрешу одну, а такъ какъ хозяйка проговорилась, что къ пяти часамъ ей надо сходить на Петербургскую, то и положилъ воротиться вечеромъ.

Я пообѣдалъ въ трактирѣ. Ровно въ пять съ четвертью воротился. Я входилъ всегда съ своимъ ключемъ. Никого, кромѣ Матреши, не было. Она лежала въ каморкѣ за ширмами на материной [1]) кровати и я видѣлъ, какъ она выглянула; но я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю. Всѣ окна были отворены. Воздухъ былъ теплъ, было даже жарко. Я походилъ и сѣлъ на диванъ. Все помню до послѣдней минуты. Мнѣ рѣшительно доставляло удовольствіе не заговаривать съ Матрешей, а томить ее, не знаю почему. Я ждалъ цѣлый часъ и вдругъ она выскочила сама изъ-за ширмъ. Я слышалъ, какъ стукнули ея обѣ ноги объ полъ, когда она вскочила съ кровати, потомъ довольно скорые шаги, и она стала на порогѣ моей комнаты. Она стояла и глядѣла молча. Я такъ былъ низокъ, что у меня дрогнуло сердце отъ радости, что выдержалъ характеръ и дождался, что она вышла первая. Въ эти дни, въ которые я съ того времени ни разу не видалъ ея близко, дѣйствительно похудѣла ужасно. Лицо ея высохло и голова навѣрно была горяча.

Глаза стали большіе и глядѣли на меня неподвижно, съ тупымъ любопытствомъ, какъ мнѣ показалось сначала. Я сидѣлъ, смотрѣлъ и не трогался. И тутъ вдругъ опять почувствовалъ ненависть. Но очень скоро замѣтилъ, что она совсѣмъ меня не пугается, а, можетъ быть, скорѣе въ бреду. Но и въ бреду не была. Она вдругъ часто закивала на меня головой, какъ киваютъ, когда очень укоряютъ наивные и не имѣющіе манеръ, и вдругъ подняла на меня свой маленькій кулачекъ и начала грозить съ мѣста. Первое мгновенье мнѣ это движеніе показалось смѣшнымъ, но дальше я не могъ вынести [2]). На ея лицѣ было такое отчаяніе, которое невозможно было видѣть въ лицѣ ребенка. Она все махала на меня своимъ кулаченкомъ съ угрозой и все кивала, укоряя. Я всталъ и подвинулся къ ней въ страхѣ,

[1]) В оригинале: „тамериной".

[2]) После: „вынести" зачеркнуто: „я всталъ и подвинулся къ ней".

осторожно заговорилъ негромко и ласковѣе, но увидѣлъ, что она не пойметъ. Потомъ вдругъ она стремительно закрылась обѣими руками, какъ тогда, отошла и встала къ окну ко мнѣ спиной. Я воротился въ свою комнату и сѣлъ то же у окна. Никакъ не пойму, почему я тогда не ушелъ и остался какъ будто ждать. Вскорѣ я опять услышалъ поспѣшные шаги ея, она вышла въ дверь на деревянную галлерею, съ которой и былъ входъ внизъ по лѣстницѣ, и я тотчасъ побѣжалъ къ моей двери, пріотворилъ и успѣлъ еще подглядѣть, какъ Матреша вошла въ крошечный чуланъ, вродѣ курятника, рядомъ съ другимъ мѣстомъ. Очень любопытная[1]) мысль блеснула въ моемъ умѣ. Я до сихъ поръ не пойму, почему она такъ вдругъ первая пришла мнѣ въ голову, значитъ къ тому вело. Я притворилъ дверь и опять сѣлъ къ окну. Разумѣется, мелькнувшей мысли вѣрить еще было нельзя;—„но однако"... (Я все помню, и сердце билось сильно.)

Черезъ минуту я посмотрѣлъ на часы и замѣтилъ, какъ можно точнѣе время. Для чего мнѣ нужна была точность времени, не знаю, но я въ силахъ былъ это сдѣлать и вообще въ ту минуту я все хотѣлъ замѣчать. Такъ что замѣченное помню теперь и вижу, какъ сейчасъ. Надвигался вечеръ. Надо мной жужжала муха и все садилась мнѣ на лицо. Я поймалъ, подержалъ въ пальцахъ и выпустилъ за окно. Очень громко въѣхала внизу во дворъ телѣга. Очень громко (и давно уже) пѣлъ пѣсню въ углу двора въ окнѣ одинъ мастеровой, портной. Онъ сидѣлъ за работой, и мнѣ его было видно. Мнѣ пришло въ голову, что, такъ какъ меня никто не повстрѣчалъ, когда я входилъ въ ворота и подымался по лѣстницѣ, то, конечно, не надо, чтобы и теперь повстрѣчали, когда я буду сходить внизъ, и я отодвинулъ осторожно мой стулъ отъ окна такъ, чтобъ меня не могли видѣть жильцы. Взялъ книгу, но бросилъ и сталъ смотрѣть на крошечнаго красненькаго паучка на листкѣ герани и забылся. Я все помню до послѣдняго мгновенья.

Я вдругъ выхватилъ часы. Прошло двадцать минутъ съ тѣхъ поръ, какъ она вышла. Догадка принимала видъ вѣроятности. Но я рѣшился подождать еще ровно четверть часа. Приходило тоже въ голову, не воротилась ли она, а я, можетъ быть, прослышалъ; но этого не могло и быть: была

[1]) Первоначально „странная".

мертвая тишина, и я могъ слышать пискъ каждой мушки. Вдругъ у меня стало опять биться сердце. Я вынулъ часы: не доставало трехъ минутъ; я ихъ высидѣлъ, хотя сердце билось до боли. Тутъ я всталъ, накрылся шляпой, застегнулъ пальто и осмотрѣлся въ комнатѣ [1]), не осталось ли слѣдовъ, что я заходилъ. Стулъ я передвинулъ ближе къ окну такъ, какъ онъ стоялъ прежде. Наконецъ, тихо отворилъ дверь, заперъ ее моимъ ключемъ и пошелъ къ чуланчику. Онъ былъ припертъ, но не запертъ; я зналъ, что онъ не запирался, но я отворить не хотѣлъ, а поднялся на цыпочки и сталъ глядѣть въ щель. Въ это самое мгновенье, подымаясь на цыпочки, я припомнилъ, что когда сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на краснаго паучка и забылся, то думалъ о томъ, какъ я приподымусь на цыпочки и достану глазомъ до этой щелки. Вставляя здѣсь эту мелочь, хочу непремѣнно доказать, до какой степени явственно я владѣлъ моими умственными способностями и за все отвѣчаю. Я долго глядѣлъ въ щель, потому что тамъ было темно, но не совершенно, такъ что наконецъ я разглядѣлъ, что было мнѣ надо... [2])

Наконецъ уже рѣшился уйти [3]). Я никого не встрѣтилъ на лѣстницѣ. Часа черезъ три мы всѣ, безъ сюртуковъ, пили въ номерахъ чай и играли въ старыя карты, Лебядкинъ читалъ стихи. Много разсказывали и какъ нарочно всѣ удачно и смѣшно, а не такъ, какъ всегда глупо. Былъ тогда и Кирилловъ. Никто не пилъ, хотя и стояла бутылка рома, но прикладывался одинъ Лебядкинъ.

Прохоръ Маловъ замѣтилъ, что „когда Николай Всеволодовичъ довольны и не хандрятъ, то всѣ наши веселы и умно говорятъ". Я запомнилъ это тогда же, стало быть, я былъ веселъ, доволенъ и не хандрилъ. Это съ виду. Но я помню, что я зналъ, что я низкій и подлый трусъ совершенно за мою радость освобожденія и болѣе никогда не буду благороднымъ.

Но часовъ уже въ одиннадцать прибѣжала дворникова дѣвочка отъ хозяйки съ Гороховой, съ извѣстіемъ ко мнѣ,

---

[1]) После: „въ комнатѣ" зачеркнуто: „все ли на прежнемъ мѣстѣ".

[2]) После: „что было мнѣ надо" зачеркнуто: „все хотѣлъ совершенно удостовѣриться".

[3]) Вместо: „наконецъ" и т. д. первоначально: „я рѣшилъ наконецъ, что мнѣ можно уйти и спустился съ лѣстницы".

что Матреша повѣсилась. Я пошелъ съ дѣвочкой и увидѣлъ, что хозяйка сама не знала, зачѣмъ посылала за мной. Она вопила и билась,[1]) было много народу, полицейскіе. Я постоялъ[2]) и ушелъ.

Меня почти не безпокоили все время, впрочемъ спросили, что слѣдуетъ. Но кромѣ того, что дѣвочка была больна и бывала въ бреду, такъ что я предлагалъ съ своей стороны доктора на мой счетъ, я ничего не показалъ. Спрашивали что-то меня и про ножикъ; я сказалъ, что хозяйка высѣкла, но что это было ничего. Про то, что я приходилъ вечеромъ, никто не зналъ[3]).

Съ недѣлю я не заходилъ туда. Зашелъ, когда уже давно похоронили,[4]) чтобы сдать квартиру. Хозяйка все еще плакала, хотя уже возилась съ своимъ лоскутьемъ и съ шитьемъ попрежнему. „Это я за вашъ ножикъ ее обидѣла", сказала она мнѣ, но безъ большого укора. Я разсчитался подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя же мнѣ теперь оставаться въ такой квартирѣ, чтобъ принимать въ ней Нину Савельевну. Она еще разъ похвалила Нину Савельевну на прощаніе. Уходя, я подарилъ ей пять рублей сверхъ должнаго за квартиру.

Главное мнѣ было скучно жить до одури. Происшествіе въ Гороховой по минованію опасности я бы совсѣмъ забылъ, какъ и все тогдашнее, если бы нѣкоторое время я не вспоминалъ со злостью о томъ, какъ я струсилъ.

Я изливалъ мою злость, на комъ я могъ. Въ то время, но вовсе не почему-нибудь и пришла мнѣ мысль искалѣчить какъ-нибудь жизнь, но только какъ можно противнѣе. Я уже съ годъ назадъ помышлялъ застрѣлиться; представилось нѣчто лучше.

Разъ, смотря на хромую Марью Тимоѳеевну Лебядкину, прислуживавшую отчасти въ углахъ, тогда еще не помѣшанную, но просто восторженную идіотку, безъ ума влюбленную въ меня втайнѣ (о чемъ выслѣдили наши), я рѣшился вдругъ на ней жениться. Мысль о бракѣ Ставро-

[1]) После: „билась" зачеркнуто: „была кутерьма".

[2]) После: „постоялъ" зачеркнуто: „въ сѣняхъ".

[3]) Зачеркнуто: „про результатъ медицинскаго свидѣтельства я ничего не слыхалъ".

[4]) Слова: „когда уже давно похоронили" зачеркнуты.

гина съ такимъ послѣднимъ существомъ шевелила мои нервы. Безобразнѣе нельзя было вообразить ничего [1]). Но во всякомъ случаѣ я обвѣнчался не изъ одного только „пари на вино послѣ пьянаго обѣда". Свидѣтелями брака были Кириллов и Петръ Верховенскій, тогда случившійся въ Петербургѣ; наконецъ, самъ Лебядкинъ и Прохоръ Маловъ (теперь умеръ). Болѣе никто никогда не узналъ, а тѣ дали слово молчать. Мнѣ всегда казалось это молчаніе какъ бы гадостью, но до сихъ поръ оно не нарушено, хотя я и имѣлъ намѣреніе объявить; теперь объявляю заодно.

Обвѣнчавшись я тогда уѣхалъ въ губернію къ моей матери. Я поѣхалъ для развлеченія [2]). Въ нашемъ городѣ я оставилъ по себѣ идею, что я помѣшанъ—идею, до сихъ даже поръ не искоренившуюся и мнѣ несомнѣнно вредную, о чемъ объясню ниже. Потомъ я уѣхалъ заграницу и пробылъ четыре года.

Я былъ на Востокѣ, на Аѳонѣ, выстаивалъ восьмичасовыя всенощныя, былъ въ Египтѣ, жилъ въ Швейцаріи, былъ даже въ Исландіи; просидѣлъ цѣлый годовой курсъ въ Геттингенѣ. Въ послѣдній годъ я очень сошелся съ однимъ знатнымъ русскимъ семействомъ въ Парижѣ и съ двумя русскими дѣвицами въ Швейцаріи. Года два тому назадъ, въ Франкфуртѣ, проходя мимо бумажной лавки, я, между продажными фотографіями, замѣтилъ маленькую карточку одной дѣвочки, одѣтой въ изящный дѣтскій костюмъ, но очень похожую на Матрешу. Я тотчасъ купилъ карточку и, придя въ отель, положилъ на каминъ. Здѣсь она такъ и пролежала съ недѣлю нетронутая, и я ни разу не взглянулъ на нее, а уѣзжая изъ Франкфурта, забылъ взять съ собою.

Заношу это именно, чтобы доказать, до какой степени я могъ властвовать надъ моими воспоминаніями, и сталъ къ нимъ безчувственнымъ. Я отвергалъ ихъ всѣ разомъ въ массѣ, и вся масса послушно исчезала, каждый разъ, какъ только я

---

[1]) После слова „ничего" зачеркнуто: „но не берусь рѣшить, входила ли въ мое рѣшеніе хоть безсознательно (разумѣется, безсознательно) злоба за низкую трусость, овладѣвшую мною послѣ дѣла съ Матрешей. Право, не думаю".

[2]) После слов „для развлеченія" зачеркнуто: „и потому, что было невыносимо".

того хотѣлъ. Мнѣ всегда было скучно припоминать прошлое, и никогда я не могъ толковать о прошломъ, какъ дѣлаютъ почти всѣ, тѣмъ болѣе, что оно было мнѣ, какъ и все мое, ненавистно. Что же касается до Матреши, то я даже карточку ея позабылъ на каминѣ. Тому назадъ съ годъ, весной, слѣдуя черезъ Германію, я въ разсѣянности проѣхалъ станцію, съ которой долженъ былъ поворотить на мою дорогу, и попалъ на другую вѣтвь. Меня высадили на слѣдующей станціи; былъ третій часъ пополудни, день ясный. Это былъ крошечный нѣмецкій городокъ. Мнѣ указали гостинницу. Надо было выждать. Слѣдующій поѣздъ проходилъ въ одиннадцать часовъ ночи. Я даже былъ доволенъ приключеніемъ, потому что никуда не спѣшилъ. Гостинница оказалась дрянная и маленькая, но вся въ зелени, и кругомъ обставленная клумбами цвѣтовъ. Мнѣ дали тѣсную комнатку. Я славно поѣлъ, и такъ какъ всю ночь былъ въ дорогѣ, то отлично заснулъ послѣ дороги часа въ четыре пополудни.

Мнѣ приснился совершенно неожиданный для меня сонъ, потому что я никогда не видалъ въ этомъ родѣ. Въ Дрезденѣ въ галлереѣ существуетъ картина Клодъ Лорена, по каталогу, кажется, „Асисъ и Галатея“, я же называлъ ее всегда „Золотымъ вѣкомъ“, самъ не знаю почему. Я уже и прежде ее видѣлъ, а теперь дня три назадъ еще разъ мимоѣздомъ замѣтилъ. Даже нарочно ходилъ, чтобъ на нее посмотрѣть, и, можетъ быть, для нее только и заѣзжалъ въ Дрезденъ. Эта-то картина мнѣ и приснилась, но не какъ картина, а какъ будто какая-то быль.

Это—уголокъ Греческаго архипелага; голубыя ласковыя волны, острова и скалы, цвѣтущее прибрежье, волшебная панорама вдали, заходящее зовущее солнце—словами этого не передашь. Тутъ запомнило свою колыбель европейское человѣчество, здѣсь первыя сцены изъ миѳологіи, его земной рай... Тутъ жили прекрасные люди. Они вставали и засыпали счастливые и невинные; рощи наполнялись ихъ веселыми пѣснями, великій избытокъ непочатыхъ силъ уходилъ въ любовь и въ простодушную радость. Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своихъ прекрасныхъ дѣтей. Чудный сонъ, высокое заблужденіе! Мечта самая невѣроятная изъ всѣхъ, какія были, но которой все

человѣчество всю свою жизнь отдавало всѣ свои силы, для которой всѣмъ жертвовало, для которой умирали на крестахъ и убивались его пророки, безъ которой народы не захотятъ жить и не могутъ даже умереть. Все это ощущеніе я какъ будто прожилъ въ этомъ снѣ; я не знаю, что мнѣ именно снилось, но скалы и море и косые лучи заходящаго солнца все это я какъ будто еще видѣлъ, когда проснулся и раскрылъ глаза, въ первый разъ въ жизни буквально омоченные слезами. Ощущеніе счастья еще мнѣ неизвѣстнаго прошло сквозь все сердце мое даже до боли. Былъ уже полный вечеръ; въ окно моей маленькой комнаты, сквозь зелень стоящихъ на окнѣ цвѣтовъ прорывался цѣлый пукъ яркихъ косыхъ лучей заходящаго солнца и обливалъ меня свѣтомъ. Я поскорѣе закрылъ опять глаза, какъ бы жаждая возвратить миновавшій сонъ, но вдругъ какъ бы среди яркаго—яркаго свѣта, я увидѣлъ какую-то крошечную точку. Эта точка стала вдругъ принимать какой-то образъ, и вдругъ мнѣ явственно представился крошечный красненькій паучекъ. Мнѣ сразу припомнился онъ на листкѣ герани, когда также лились лучи заходящаго солнца. Что-то какъ будто вонзилось въ меня, я приподнялся и сѣлъ на постель....

(Вотъ все какъ это тогда случилось!)

Я увидѣлъ передъ собою! (О, не наяву! Если бы это было настоящее видѣніе!) я увидѣлъ Матрешу, исхудавшую и съ лихорадочными глазами, точь въ точь какъ тогда, когда стояла она у меня на порогѣ и, кивая мнѣ головой, подняла на меня свой крошечный кулачекъ. И никогда ничего не являлось мнѣ столь мучительнымъ! Жалкое отчаяніе безпомощнаго [1]) существа съ несложившимся разсудкомъ, мнѣ грозившаго (чѣмъ? что могло оно мнѣ сдѣлать, о Боже!), но обвинявшаго, конечно, одну себя! Никогда еще ничего подобнаго со мной не было. Я просидѣлъ до ночи, не двигаясь и забывъ время. Это ли называется угрызеніемъ совѣсти или раскаяніемъ, не знаю и не могъ бы сказать до сихъ поръ [2]). Но мнѣ невыносимъ только одинъ этотъ об-

---

[1]) После: „безпомощнаго“ зачеркнуто: „десятилѣтняго“.

[2]) После: „до сихъ поръ“ зачеркнуто: „Мнѣ, можетъ быть, не омерзительно даже доселѣ воспоминаніе о самомъ поступкѣ. Можетъ быть, это воспоминаніе заключаетъ въ себѣ даже и теперь нѣчто для страстей моихъ пріятное“.

разъ, и именно на порогѣ съ своимъ поднятымъ и грозящимъ мнѣ маленькимъ кулачкомъ, одинъ только этотъ ея тогдашній видъ, только одна тогдашняя минута, только это киванье головой. Вотъ чего именно я не могу выносить, потому что съ тѣхъ поръ представляется мнѣ почти каждый день. Не само оно представляется, а я его самъ вызываю и не могу не вызывать, хотя и не могу съ нимъ жить. О, если бы я когда-нибудь увидалъ ее наяву, хотя бы въ галюсинаціи! [1])

Почему же ни одно изъ воспоминаній моей жизни не возбуждаетъ во мнѣ ничего подобнаго, а было вѣдь много воспоминаній, можетъ быть, еще гораздо худшихъ передъ судомъ людей. Одну развѣ ненависть, да и то вызванную теперешнимъ положеніемъ, а прежде я хладнокровно забывалъ и отстранялъ.

Я скитался послѣ того почти весь этотъ годъ и старался заняться. Я знаю, что я бы могъ устранить и теперь Матрешу, когда захочу. Я совершенно владѣю моею волей попрежнему. Но въ томъ все и дѣло, что никогда не хотѣлъ того сдѣлать, самъ не хочу и не буду хотѣть [2]). Такъ и продлжится вплоть до моего сумасшествія.

Въ Швейцаріи два мѣсяца спустя я ощутилъ припадокъ такой же страсти съ однимъ изъ такихъ же ненеистовыхъ порывовъ, какъ бывало это лишь когда-то первоначально [3]). Я почувствовалъ ужасный соблазнъ на новое преступленіе, именно, совершить двоеженство (потому что я уже женатъ); но я бѣжалъ по совѣту другой дѣвушки, которой я открылся почти во всемъ и даже въ томъ, что совсѣмъ не люблю ту, которую такъ желалъ, и что никого никогда не могу любить. — Къ тому же это новое преступленіе нисколько не избавило бы меня отъ Матреши.

---

[1]) После: „хотя бы въ галюсинаціи“ зачеркнуто: „у меня есть другія старыя воспоминанія, можетъ быть, получше этого. Съ одной женщиной я поступилъ хуже, и она отъ этого умерла. Я лишилъ жизни на дуэли двухъ невинныхъ предо мной. Я однажды былъ оскорбленъ смертельно и не отомстилъ противнику. На мнѣ есть одно отравленіе намѣренное и удавшееся и никому неизвѣстное. Если надо, я обо всемъ сообщу“.

[2]) После „не буду хотѣть“ зачеркнуто: „я ужъ про это знаю“.

[3]) Первоначально: „Въ Швейцаріи я смогъ два мѣсяца спустя влюбиться въ одну дѣвицу или, лучше сказать, я ощутилъ“ и т. д..

Такимъ образомъ я рѣшился отпечатать эти листки и ввезти ихъ въ Россію въ трехстахъ экземплярахъ; когда придетъ время, я отошлю въ полицію и къ мѣстной власти; одновременно пошлю въ редакціи всѣхъ газетъ съ просьбой гласности и множеству меня знающихъ въ Петербургѣ и въ Россіи лицъ. Равномѣрно появится въ переводѣ заграницей. Я знаю, что юридически я, можетъ быть, и не буду обезпокоенъ, по крайней мѣрѣ, значительно; я одинъ на себя объявляю и не имѣю обвинителя; кромѣ того, никакихъ или чрезвычайно мало доказательствъ. Наконецъ, укоренившаяся идея о разстройствѣ моего разсудка и, навѣрно, стараніе моихъ родныхъ, которые этою идеею воспользуются и затушатъ всякое опасное для меня юридическое преслѣдованіе. Это я заявляю между прочимъ для того, чтобы доказать, что я теперь въ полномъ умѣ и положеніе мое понимаю. Но для меня останутся тѣ, которые будутъ знать все и на меня глядѣть, а я на нихъ [1]). Я хочу, чтобъ на меня всѣ глядѣли. Облегчитъ ли это меня — не знаю. Прибѣгаю какъ къ послѣднему средству.

Еще разъ: если очень поискать въ Петербургской полиціи, то, можетъ быть, и отыщется. Мѣщане могутъ быть и теперь въ Петербургѣ. Домъ, конечно, припомнятъ. Онъ былъ свѣтло-голубой. Я же никуда не уѣду и нѣкоторое время (съ годъ или два) всегда буду находиться въ Скворешникахъ, имѣніи моей матери. Если же потребуютъ, явлюсь всюду.

Николай Ставрогинъ.

---

[1]) Первоначально: „И чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше“.

Глава девятая. [1])

Чтеніе продолжалось около часа. Тихонъ читалъ медленно и, можетъ быть, перечитывалъ нѣкоторыя мѣста по другому разу. Все время Ставрогинъ сидѣлъ молча и неподвижно. Странно, [2]) что оттѣнокъ будто нетерпѣнія, разсѣянности и какъ бы бреда, бывшій въ лицѣ его все это утро, почти исчезъ, смѣнившись спокойствіемъ и какъ бы какой-то искренностью, что придало ему видъ почти достоинства. Тихонъ снялъ очки, помедлилъ и поднялъ, наконецъ, на него глаза и началъ первый съ нѣкоторою осторожностью.

— А нельзя ли въ документѣ семъ сдѣлать иныя исправленія?

— Зачѣмъ? Я писалъ искренно — отвѣтилъ Ставрогинъ.

— Немного бы въ слогѣ...

— Я забылъ васъ предупредить, быстро и рѣзко произнесъ онъ, весь дернувшись впередъ, что всѣ слова ваши будутъ напрасны; я не отложу моего намѣренія; не трудитесь отговаривать. Я опубликую.

— Вы объ этомъ не забыли предупредить еще давеча, прежде чтенія.

— Все равно, рѣзко перервалъ Ставрогинъ, повторяю опять: какова бы ни была сила вашихъ возраженій, я отъ моего намѣренія не отстану. Замѣтьте, что этою неловкою фразой или ловкою—думайте, какъ хотите—я вовсе не напрашиваюсь, чтобы вы поскорѣе начали мнѣ возражать и меня упрашивать [3]).

---

[1]) Так обозначена глава в оригинале.

[2]) Слова: „Странно, что оттѣнокъ будто нетерпѣнія, разсѣянности и какъ бы бреда, бывшій въ лицѣ его все это утро, почти исчезъ, смѣнившись спокойствіемъ и какъ бы какой-то искренностью, что придало ему видъ почти достоинства“—зачеркнуты.

[3]) После: „упрашивать“ зачеркнуто: „прибавилъ онъ какъ бы не выдержавъ и вдругъ впадая опять на мгновеніе въ давешній тонъ, но тотчасъ же грустно улыбнулся своимъ словамъ“.

— Я возражать вамъ и особенно упрашивать, чтобъ оставили ваши намѣренія, и не могъ бы. Мысль эта — великая мысль и полнѣе не можетъ выразиться христіанская мысль. Дальше подобнаго удивительнаго подвига, который вы замыслили, итти покаяніе не можетъ, если бы только...

— Если бы что?

— Еслибъ это дѣйствительно было покаяніе и дѣйствительно христіанская мысль.

— [1]) Я писалъ искренно.

— Вы какъ будто нарочно грубѣе хотите представить себя, чѣмъ бы желало сердце ваше... осмѣливался все болѣе и болѣе Тихонъ. Очевидно, „документъ" произвелъ на него сильное впечатлѣніе.

— Представить? повторяю вамъ: я не „представлялся" и въ особенности не „ломался" [2]).

Тихонъ быстро опустилъ глаза.

— Документъ этотъ идетъ прямо изъ потребности сердца, смертельно уязвленнаго, — такъ ли я понимаю? произнесъ онъ съ настойчивостью и съ необыкновеннымъ жаромъ.—Да, сіе есть покаяніе и натуральная потребность его, васъ поборовшая, и вы попали на великій путь, путь изъ неслыханныхъ. Но вы какъ бы уже ненавидите и презираете впередъ всѣхъ тѣхъ, которые прочтутъ здѣсь описанное, и зовете ихъ въ бой. Не стыдясь признаться въ преступленіи, зачѣмъ стыдитесь вы покаянія?

— Стыжусь?

— И стыдитесь и боитесь!

— Боюсь?

— Смертельно. Пусть глядятъ на меня, говорите вы; ну, а вы сами, какъ будете глядѣть на нихъ. Иныя мѣста въ вашемъ изложеніи усилены слогомъ; вы какъ бы любуетесь психологіей вашею и хватаетесь за каждую мелочь, только бы удивить читателя безчувственностью, которой въ васъ нѣтъ. Что же это, какъ не горделивый вызовъ отъ виноватаго къ судьѣ?

---

[1]) До словъ: „Я писалъ искренно" зачеркнуто: „это мнѣ кажется тонкость; не все ли равно"...

[2]) Фраза: „Представить? повторяю вамъ: я не „представлялся" и въ особенности не „ломался"—зачеркнута наискось.

— Гдѣ же вызовъ? Я устранилъ всякія разсужденія отъ моего лица.

Тихонъ смолчалъ. Даже краска покрыла его блѣдныя щеки.

— Оставимъ это, рѣзко прекратилъ Ставрогинъ. Позвольте сдѣлать вамъ вопросъ уже съ моей стороны: вотъ уже пять минутъ, какъ мы говоримъ послѣ этого (онъ кивнулъ на листки), и я не вижу въ васъ никакого выраженія гадливости или стыда... Вы, кажется, не брезгливы...

Онъ не докончилъ [1]).

— Я предъ вами ничего не утаю: меня ужаснула великая праздная сила, ушедшая нарочито въ мерзость. Что до самаго преступленія, то и многіе грѣшатъ тѣмъ же, но живутъ со своей совѣстью въ мирѣ и спокойствіи, даже считая неизбѣжными проступками юности. Есть и старцы, которые тѣмъ же грѣшатъ и даже съ утѣшеніемъ и съ игривостью. Всѣми этими ужасами наполненъ весь міръ. Вы же почувствовали всю глубину, что очень рѣдко случается въ такой степени.

— Ужъ не уважать ли вы меня стали послѣ листковъ? криво усмѣхнулся Ставрогинъ.

— Отвѣчать прямо о семъ не буду. Но болѣе великаго и болѣе страшнаго преступленія, какъ поступокъ вашъ съ отроковицей, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть.

— Оставимъ мѣру на аршины [2]). Я, можетъ быть, не такъ страдаю, какъ здѣсь написалъ, и, можетъ быть, дѣйствительно, много налгалъ на себя, прибавилъ онъ неожиданно.

Тихонъ смолчалъ еще разъ [3]).

— А эта дѣвица [4]), началъ опять Тихонъ,—съ которою вы прервали въ Швейцаріи, если осмѣлюсь спросить, находится.... гдѣ въ сію минуту?

— Здѣсь.

Опять молчаніе.

---

[1]) После: „онъ не докончилъ“ зачеркнуто: „то-есть вамъ хотѣлось бы, чтобъ я высказалъ вамъ поскорѣе мое презрѣніе, твердо договорилъ Тихонъ“.

[2]) Зачеркнуто: „Меня нѣсколько дивитъ вашъ отзывъ о другихъ людяхъ и объ обыкновенности подобнаго преступленія“.

[3]) После словъ: „Тихонъ смолчалъ еще разъ“ зачеркнуто: „Ставрогинъ и не думалъ уходить, напротивъ, опять сталъ впадать мгновеніями въ сильную задумчивость“.

[4]) После: „дѣвица“ зачеркнуто: „очень робко“.

— Я, можетъ быть, вамъ очень налгалъ на себя, настойчиво повторилъ еще разъ Ставрогинъ. Впрочемъ, что же, что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы ужъ замѣтили вызовъ. Я заставлю ихъ еще болѣе ненавидѣть меня, вотъ и только. Такъ вѣдь мнѣ же будетъ легче [1]).

— То-есть злоба въ васъ вызоветъ отвѣтную злобу и, ненавидя, вамъ станетъ легче, чѣмъ если бы принявъ отъ нихъ сожалѣніе.

— Вы правы. Знаете, засмѣялся онъ вдругъ.—Меня, можетъ быть, назовутъ іезуитомъ и богомольною ханжей послѣ документа, ха, ха, ха. Такъ?

— Конечно, будетъ такой отзывъ непремѣнно. А скоро вы надѣетесь исполнить сіе намѣреніе?

— Сегодня, завтра, послѣ завтра, почемъ я знаю. Только очень скоро. Вы правы: я думаю, именно такъ придется, что оглашу внезапно и именно въ какую-нибудь мстительную, ненавистную минуту, когда всего больше буду ихъ ненавидѣть.

— Отвѣтьте на вопросъ, но искренно мнѣ одному, только мнѣ, произнесъ совсѣмъ другимъ голосомъ Тихонъ,— если бы кто простилъ васъ за это (Тихонъ указалъ на листки) и не то, чтобъ изъ тѣхъ, кого вы уважаете или боитесь, а незнакомецъ, человѣкъ, котораго никогда не узнаете, молча про себя, читая вашу страшную исповѣдь, легче ли бы вамъ было отъ этой мысли или все равно?

— Легче,—отвѣтилъ Ставрогинъ вполголоса. Если бы вы меня простили, мнѣ было бы гораздо легче,—прибавилъ онъ, опуская глаза.

— Съ тѣмъ, чтобъ и вы меня такъ же, — проникнутымъ голосомъ промолвилъ Тихонъ [2]).

---

[1]) Фраза „Впрочемъ, что же, что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы ужъ замѣтили вызовъ. Я заставлю ихъ еще болѣе ненавидѣть меня, вотъ и только. Такъ вѣдь мнѣ же будетъ легче“—зачеркнута.

[2]) Послѣ словъ: „промолвилъ Тихонъ“ зачеркнуто: „За что? Что вы мнѣ сдѣлали? Ахъ, да, это монастырская формула! (Тихонъ). „За вольная и невольная. Согрѣшивъ, каждый человѣкъ уже противъ всѣхъ согрѣшилъ, и каждый человѣкъ хоть чѣмъ-нибудь въ чужомъ грѣхѣ виноватъ. Грѣха единичнаго нѣтъ. Я же грѣшникъ великій и, можетъ быть, болѣе вашего“.

— Дурное смиреніе. Знаете, эти монашескія формулы даже совсѣмъ неизящны. Я вамъ всю правду скажу: я желаю, чтобы вы меня простили. Вмѣстѣ съ вами другой, третій, но всѣ—всѣ пусть лучше ненавидятъ. Но для того желаю, чтобы со смиреніемъ перенести....

— А всеобщаго сожалѣнія о васъ вы не могли бы съ тѣмъ же смиреніемъ перенести?

— Можетъ быть, и не могъ бы [1]). Зачѣмъ вы... [2])

— Чувствую степень вашей искренности и, конечно, много виноватъ, что не умѣю подходить къ людямъ. Я всегда въ этомъ чувствовалъ великій мой недостатокъ, искренне и задушевно промолвилъ Тихонъ, смотря прямо въ глаза Ставрогину. Я потому только, что мнѣ страшно за васъ, прибавилъ онъ—передъ вами почти непроходимая бездна.

— Не выдержу? Не вынесу [3]) ихъ ненависти? встрепенулся Ставрогинъ.

— Не одной лишь ненависти.

— Чего еще?

— Ихъ смѣху, какъ бы черезъ силу и полушепотомъ вырвалось у Тихона.

Ставрогинъ смутился; безпокойство выразилось въ его лицѣ.

— Я это предчувствовалъ—сказалъ онъ—стало быть, я показался вамъ очень комическимъ лицомъ по прочтеніи моего „документа“ [4]). Не безпокойтесь, не конфузьтесь, я этого ожидалъ.

— Ужасъ будетъ повсемѣстный и, конечно, болѣе фальшивый, чѣмъ искренній. Люди боязливы лишь передъ тѣмъ, что прямо угрожаетъ личнымъ ихъ интересамъ. Я не про чистыя души говорю: тѣ ужаснутся про себя и себя обвинятъ, но онѣ незамѣтны будутъ, и потому что будутъ молчать. Смѣхъ же будетъ всеобщій [5]).

---

[1]) После: „не могъ бы“ зачеркнуто: „Вы очень тонко подхватываете. Но“...

[2]) Зачеркнуто: „это дѣлаете“.

[3]) После: „не вынесу“ зачеркнуто: „со смиреніемъ“.

[4]) После слова: „документа“ зачеркнуто: „несмотря на всю трагедію“.

[5]) После: „Смѣхъ же будетъ всеобщій“ зачеркнуто: „и прибавьте замѣчаніе мыслителя, что въ чужой бѣдѣ всегда есть нѣчто намъ пріятное“.— „Справедливая мысль“.—„Однако же вы...вы-то сами“...

— Я удивляюсь, какъ дурно вы думаете про людей, какъ гадливо,—съ нѣкоторымъ видомъ озлобленія произнесъ Ставрогинъ.

— А вѣрите, я болѣе по себѣ судилъ, чѣмъ про людей!—воскликнулъ Тихонъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? да неужто тоже есть въ душѣ вашей хоть что-нибудь, что васъ здѣсь веселитъ въ моей бѣдѣ?

— Кто знаетъ, можетъ и есть? О можетъ, и есть!

— Довольно. Укажите же, чѣмъ именно я смѣшонъ въ моей рукописи? Я знаю самъ чѣмъ, но я хочу, чтобъ указали вы вашимъ пальцемъ. И скажите поциничнѣе, скажите именно со всею тою искренностью, къ которой вы способны. И еще повторю вамъ, что вы ужасный чудакъ.

— Даже въ формѣ самаго великаго покаянія сего заключается нѣчто смѣшное. О, не вѣрьте тому, что не побѣдите!—воскликнулъ онъ вдругъ почти въ восторгѣ:—даже сія форма побѣдитъ (указалъ онъ на листки), если только искренне примете заушеніе и заплеваніе. Всегда кончалось тѣмъ, что наипозорнѣйшій крестъ становился великой славой и великой силой, если искренне было смиреніе подвига. Даже можетъ при жизни вашей уже будете утѣшены!..

— И такъ вы въ одной формѣ [1]), можетъ быть, находите смѣшное?—настаивалъ Ставрогинъ.

— И въ сущности. Убьетъ некрасивость—прошепталъ Тихонъ, опуская глаза.

— Некрасивость! Какая некрасивость?

— Преступленія. Есть преступленія поистинѣ некрасивыя. Преступленія, каковы бы они не были, чѣмъ болѣе крови, чѣмъ болѣе ужаса, тѣмъ они внушительнѣе, такъ сказать, картиннѣе; но есть преступленія стыдныя, позорныя, мимо всякаго ужаса, такъ сказать, даже слишкомъ ужъ не изящныя...

Тихонъ не договорилъ.

— То-есть, подхватилъ въ волненіи Ставрогинъ—вы находите весьма смѣшною фигуру мою, когда я цѣловалъ руки грязной дѣвчонки... [2]) Я васъ очень понимаю и вы именно

---

[1]) После: „формѣ“ зачеркнуто: „въ слогѣ“.

[2]) После: „грязной дѣвчонки“ зачеркнуто: „и все, что я говорилъ о моемъ темпераментѣ и ну и все прочее. ..не понимаю“....

потому отчаиваетесь за меня, что некрасиво, гадливо, нѣтъ не то, что гадливо, а стыдно, смѣшно, и вы думаете, что этого-то я всего скорѣе не перенесу.

Тихонъ молчалъ [1]).

— Понимаю, почему вы спросили про барышню изъ Швейцаріи, здѣсь ли она?

— Не приготовлены, не закалены,—робко прошепталъ Тихонъ, опустивъ глаза—оторваны отъ почвы, не вѣруете.

— Слушайте, отецъ Тихонъ: я хочу простить самъ себѣ, и вотъ моя главная цѣль, вся моя цѣль! —сказалъ вдругъ Ставрогинъ съ мрачнымъ восторгомъ въ глазахъ. Я знаю, что только тогда исчезнетъ видѣніе. Вотъ почему я и ищу страданья безмѣрнаго, самъ ищу его. Не пугайте же меня, не то погибну во злобѣ.

Эта искренность была столь неожиданна, что Тихонъ всталъ.

— Если вѣруете, что можете простить сами себѣ и сего прощенія себѣ въ семъ мірѣ страданьемъ достигнуть, если такую цѣль себѣ поставляете съ вѣрой, то вы уже во все вѣруете!—восторженно воскликнулъ Тихонъ—какъ же сказали вы, что въ Бога не вѣруете?

Ставрогинъ не отвѣтилъ.

— Вамъ за невѣріе Богъ проститъ, ибо Духа Святого чтите, не зная его.

— Кстати, Христосъ проститъ,—скрививъ улыбку и быстро измѣнивъ тонъ, спросилъ Ставрогинъ, и въ тонѣ вопроса послышался легкій оттѣнокъ ироніи.

— Вѣдь сказано въ книгѣ: „если соблазните единого отъ малыхъ сихъ", помните. По Евангелію больше преступленія нѣтъ.... [2])

— Просто запросто вамъ очень не хочется скандала, и вы ставите мнѣ ловушку, добрый отче Тихонъ, небрежно и съ досадой промямлилъ Ставрогинъ, порываясь встать, короче вамъ хочется, чтобъ я остепенился, пожалуй, женился и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая каждый

---

[1]) После: „Тихонъ молчалъ" зачеркнуто: „Да вы знаете людей, т.-е. знаете, что я именно не перенесу".

[2]) Между концом 14 гранки, которая здесь кончается, и началом следующей 15 нет согласованности.

праздникъ вашъ монастырь. Ну, эпитемія! Не правда ли! [1]) А впрочемъ, вы какъ сердцевѣдъ, можетъ, и предчувствуете, что это, несомнѣнно, такъ и будетъ, и все дѣло за тѣмъ, чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличія, такъ какъ я самъ только того и жажду, не правда ли!

Онъ изломанно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не та эпитемія, я другую готовлю!—съ жаромъ продолжалъ Тихонъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на смѣхъ и замѣчаніе Ставрогина.

— Я знаю одного старца не здѣсь, но недалеко отсюда, отшельника и схимника, и такой христіанской премудрости, что намъ съ вами и не понять того. Онъ послушаетъ моихъ просьбъ. Я скажу ему о васъ все. Подите къ нему въ послушаніе, подъ начало его лѣтъ на пять, на семь, сколько сами найдете потребнымъ впослѣдствіи. Дайте себѣ обѣтъ и сею великою жертвой купите все, чего жаждете и даже чего не ожидаете, ибо и понять теперь не можете, что получите.

Ставрогинъ выслушалъ серьезно.

— Вы предлагаете мнѣ вступить въ монахи въ тотъ монастырь [2]).

— Вамъ не надо быть въ монастырѣ, не надо постригаться, будьте только послушникомъ, тайнымъ, не явнымъ, можно такъ, что и совсѣмъ въ свѣтѣ живя...

— Оставьте, отецъ Тихонъ, брезгливо прервалъ Ставрогинъ и поднялся со стула. Тихонъ тоже.

— Что съ вами? вскричалъ онъ вдругъ, почти въ испугѣ всматриваясь въ Тихона. Тотъ стоялъ передъ нимъ, сложивъ передъ собою впередъ ладонями руки, и болѣзненная судорога, казалось, какъ бы отъ величайшаго испуга прошла мгновенно по лицу его.

---

[1]) Вместо: „Не правда ли“ стояло первоначально: „ну, эпитемья“ (оба слова зачеркнуты).

[2]) После слова: „монастырь“ зачеркнуто: „Какъ ни уважаю я васъ, а я совершенно того долженъ былъ ожидать. Ну, такъ я вамъ даже признаюсь, что въ минуты малодушія во мнѣ уже мелькала мысль, разъ заявивъ эти листки всенародно, спрятаться отъ людей въ монастырь, хоть на время. Но я тутъ же краснѣлъ за эту низость. Но чтобы постричься въ монахи, это мнѣ даже въ минуту самаго малодушнаго страха не приходило въ голову“.

— Что съ вами? Что съ вами? повторялъ Ставрогинъ, бросаясь къ нему, чтобъ его поддержать. Ему показалось, что тотъ упадетъ.

— Я вижу... я вижу, какъ наяву,—воскликнулъ Тихонъ проницающимъ въ душу голосомъ и съ выраженіемъ сильнѣйшей горести—что никогда вы, бѣдный, погибшій юноша, не стояли такъ близко къ новому и еще сильнѣйшему преступленію, какъ въ сію минуту.

— Успокойтесь!—упрашивалъ рѣшительно встревоженный за него Ставрогинъ.— Я, можетъ быть, еще отложу... Вы правы...

— Нѣтъ, не послѣ обнародованія, а еще до того, за день, за часъ, можетъ быть, до великаго шага, броситесь въ новое преступленіе, какъ въ исходъ, и совершите его единственно, чтобы только избѣжать сего обнародованія листковъ.

Ставрогинъ даже задрожалъ отъ гнѣва и почти отъ испуга [1]).

— Проклятый психологъ!—оборвалъ онъ вдругъ въ бѣшенствѣ и, не оглядываясь, вышелъ изъ кельи.

---

[1]) Слова „Ставрогинъ даже задрожалъ отъ гнѣва и почти отъ испуга" зачеркнуты и заменены несколькими другими редакциями, из которых, повидимому, ни одна не удовлетворила Достоевского.

Свидание
СТАВРОГИНА с ТИХОНОМ
по записным тетрадям
ДОСТОЕВСКОГО.

Архиерей Тихон, которому Ставрогин вручает свою „Исповедь“ был задуман Достоевским, как одно из главных действующих лиц в том большом—еще без заглавия—романе из пяти повестей, план которого он сообщал в 1870 г. Ап. Н. Майкову. Действие второй из этих повестей, на которую Достоевский возлагал „всю свою надежду“, должно было происходить в монастыре, куда отдан родителями мальчик, совершивший уголовное преступление, „развитой и развращенный“ (тип, Достоевскому очень хорошо знакомый, как он добавлял), „волчонокъ и нигилистъ“, который испытывает затем на себе благодетельное влияние архиерея Тихона. «Хочу выставить во второй повѣсти главной фигурой Тихона Задонскаго,—писал Достоевскій,—конечно, подъ другимъ именемъ, но тоже архіерей будетъ проживать в монастырѣ, на спокоѣ. Авось, выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это уже не Констанжогло-съ и не нѣмецъ (забылъ фамилію) въ Обломовѣ, и не Лопуховы, не Рахметовы. Правда, я ничего не создамъ, а только выставлю дѣйствительнаго Тихона, котораго я принялъ въ свое сердце давно съ восторгомъ“.

Когда потом в уме Достоевского обрисовался план „Жития великого грешника“ (ниже печатаемый), то герой „Жития“, „то вѣрующій, то атеистъ“ именно в монастыре под влиянием „святой“ и „величавой“ фигуры Тихона должен был духовно переродиться и выйти в свет „величайшимъ изъ людей“.

Когда, наконец, Достоевский окончательно остановился на замысле романа „Бесы“, то и в нем предполагалось отвести видное место Тихону, которому Ставрогин (князь) должен был передать свою „Исповедь“, значительно добавляющую и видоизменяющую рассказ Петра Степановича Верховенского о петербургском периоде жизни Николая Всеволодовича („Бесы“, ч. I, гл. V).

В опубликованных уже Л. П. Гроссманом в его книге о Достоевском заметках (извлеченных из хранящихся в Историческом Музее записных тетрадей писателя), имеются указания и на свидание Ставрогина (князя) с Тихоном, и на темы их разговора и, наконец, на то преступление, в котором Ставрогин кается в своей „Исповеди“.

Так, в „Записке“ Ставрогина предполагалось дать место следующим его словам:

„И все это я сдѣлалъ, какъ баринъ, какъ праздный, оторванный отъ почвы человѣкъ. Хотя и соглашаюсь, что главное было въ моей дурной волѣ, а не отъ одной среды; конечно, никто не дѣлаетъ такихъ преступленій. Но всѣ они, оторванные отъ почвы, дѣлаютъ то же, хотя и поменьше и пожиже. Многіе и не замѣчаютъ своихъ пакостей и считаютъ себя честными“.

Тихон, фигурирующий в этой заметке под именем „архіерея", советует это место „исключить", на что Ставрогин недовольным тоном заявляет: „я не литераторъ".

Этого места в „Исповеди" Ставрогина и нет. Мысль, что многие также грешат, однако же живут «съ своей совѣстью въ мирѣ и спокойствіи», высказывает здесь не Ставрогин, а Тихон, равно как Тихон, а не Ставрогин выражает мысль, что нравственное падение последнего есть результат оторванности от почвы (слова, вставленные Достоевским в текст гранки во время корректуры).

Есть в этих уже опубликованных заметках указание и на мотив, почему Ставрогин решил свою записку предать гласности.

„Тихонъ говоритъ: на землѣ должно быть счастливымъ.

(Князь) Я праздный умъ и мнѣ скучно. Я знаю, что на землѣ можно быть счастливымъ (и должно) и что есть что-то, въ чемъ счастье, чего я не знаю, что это за вещь.—Нѣтъ, я не изъ разочарованныхъ. Я думаю, что я изъ развратныхъ и праздныхъ.

Князь ему: я хочу испытать мою силу и разскажу про дѣвочку". Как видно из „Исповеди" Ставрогина, последний в самом деле совершил свое преступление от „скуки". Не довольствуясь признанием на этот счет в тексте Ставрогина, Достоевский на полях еще старался усилить этот мотив, прибавив следующие слова:

„Говорю прямо, я даже не прочь былъ иногда отъ мысли, чтобъ меня сослали в Сибирь. Главное дѣло—скучно. Я до того скучалъ, что думаю, могъ бы повѣситься. Я помню, что я очень занимался тогда богословіемъ. Это, правда, нѣсколько развлекло меня, но потомъ стало еще скучнѣе".

Наконец, в одной из опубликованных Гроссманом заметок указана и причина, почему Ставрогин отказывается в решительную минуту опубликовать свою записку.

„Архіерей говоритъ, что катехизисъ вѣры—хорошо, но вѣра безъ дѣлъ мертва есть и требуетъ не высшаго подвига, а еще труднѣйшаго, *труда* нравственнаго, т.-е. ну-ка, баринъ, способенъ ли на это ты? и князь сознается, что онъ баринъ, увѣряетъ, что солгалъ и отрекается отъ словъ своихъ, въ результатѣ—Ури [1])".

Из напечатанной выше девятой главы видно, что никакого разговора о „трудѣ нравственномъ" между Тихоном и Ставрогиным не происходит, да и мотив, почему Ставрогин уходит от Тихона и записки своей не публикует—иной.

К этим уже известным в печати заметкам Достоевского можем теперь присоединить еще ряд других, извлеченных из записной тетради, имеющейся в распоряжении Центрархива (№ 15 в списке А. Г. Достоевской).

Здесь на стр. 30 сказано:

„Лиза [2]) на Нечаева [3]) обращаетъ вниманіе
Онъ убиваетъ Шатова.

---

[1]) Т. е. мысль поехать в Швейцарию (с Дашей).
[2]) Елизавета Николаевна Дроздова.
[3]) Нечаев потом превратился в Петра Верховенского.

Лиза убѣждена, что *онъ* убилъ
Бѣжитъ къ нему
(Межъ тѣмъ князь[1]) и Тихонъ, и прежде князь и
Шатовъ. Все по прежнему).
Лиза бѣжитъ с Нечаевымъ. Ст. . . Т. . . ъ[2]) с книгоношей
Умираетъ. Князь повѣсился. Все по прежнему".

Это, как видно, совершенно особая редакция конца романа в части, касающейся Лизы.

Другое указание на свидание Тихона и Ставрогина имеется на стр. 37:

„Итог. Ставрогинъ, какъ характеръ
Всѣ благородные порывы до чудовищной крайности
(Тихонъ) и все страсти (*при скукѣ непремѣнной*).
Бросается и на воспитанницу[3]) и на красавицу[4]).
Красавицу въ дѣйствительности не любилъ и презиралъ, но вспыхнулъ страстью вдругъ (обманчивой и минутной, но бесконечной) и, совершивъ преступленіе, потомъ разочаровался. Онъ улизнулъ отъ наказанія, но самъ повѣсился".

Есть указание и на одну подробность предполагавшегося разговора между Тихоном и Ставрогиным. На стр. 38 сказано:

«Признается Тихону, что ему весело глумиться надъ красавицей».

На самом деле, Ставрогин над Елизаветой Николаевной не глумится и о ней вообще лишь вскользь упоминается и в „Исповеди" и в разговоре с Тихоном.

Есть указание и на преступление, совершенное Ставрогиным (на стр. 37):

«Тайну брака[5]) никто не знаетъ, кромѣ воспитанницы и красавицы»
„Про дѣвочку только одинъ Тихонъ знаетъ".

Наконец, имеется указание и на то место в романе, к которому должно было быть приурочено свидание Ставрогина с Тихоном (на стр. 36:

«Воспитанницѣ Ставрогинъ совѣтуетъ бросить С. Т. и бѣжать съ нимъ въ Швейцарію, въ Ури. Это еще прежде[6]). Тутъ выходитъ недоумѣніе съ Ст..Т—мъ, который пикируется, что ему (будто бы) рога..и воспитанница переходитъ къ брату, Шатову. Въ это-то время (красавица выказала ревность) предупреждаетъ, что Ставрогинъ женатъ на хромоножкѣ. Та въ отчаяніи, что всѣ надежды ея пропали (ибо подозрѣваетъ, что князь влюбленъ въ нее, а сама также влюблена въ него до помѣшательства), смѣется надъ воспитанницей, бѣжитъ и отдается князю. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ убійство хромоножки.

---

[1]) Ставрогин.
[2]) Степан Трофимович—отец Верховенского.
[3]) Дарья Павловна, Даша.
[4]) Елизавета Николаевна.
[5]) Брака Ставрогина с хромоножкой.
[6]) Здесь выноска у Достоевского: „въ этотъ первый разъ предложилъ бѣжать в Швейцарію, но умалчиваетъ о гражданствѣ въ кантонѣ Ури".

(Ходилъ къ Тихону [1]).“

Таковы те намеки—заметки, из которых потом выросли вышенапечатанные главы „У Тихона“, неизвестно почему не включенные Достоевским в роман „Бесы“. Некоторые подробности «Исповеди» Ставрогина были потом Достоевским использованы для фигуры Версилова в «Подростке».

В. Фриче.

---

[1]) Внизу прибавлено „князь хоронитъ хромоножку, а Кулешовъ (Федька разбойникъ) сознаетъ, что онъ одинъ... А красавица поторопилась съ ума сойти“

ЖИТИЕ

великого грешника.

УГАСШИЙ ЗАМЫСЕЛ.

Вихрем кружились творческие замыслы над вечно смятенным Достоевским. Его душевный мир не знал покоя, всегда был в кипении и одновременно рвался по разным дорогам, в нескольких направлениях. Художественные видения неслись перед ним сразу многими потоками. „Мысли в его голове родились подобно брызгам в бодовороте"—вспоминал А. Е. Ризенкампф о Достоевском — юноше, воспитаннике Инженерного училища. То же впечатление динамического духа, до крайности насыщенного мыслями, образами, оставлял Достоевский в зрелую пору своей жизни. „Слушайте, слушайте", начинал обыкновенно Федор Михайлович свое вступление в область какого-нибудь серьезного, занимавшего вопроса,—читаем мы в воспоминаниях кн. В. М. „Я вам вот что скажу", говорил он затем; потом тотчас же схватит себя рукою за голову, как будто разом столько приходило в его голову мыслей, что ему было трудно именно начать. Весьма часто вследствие этого... он начинал говорить с конца, с вывода, так сказать из нескольких, самых отдаленных, самых сложных сплетений мысли, или же скажет первую мысль, главную, а потом откроет скобки и начнет говорить о придаточном, об'ясняющем, или о пришедшем в голову кстати или по поводу... Это внезапное наитие так было сильно в нем, что оно как-будто чувствовалось не только в нем, но и вокруг него..."[1]).

Эту творческую особенность Достоевского легко установить, вслушиваясь в его собственные признания: „у меня бездна идей" — писал он в 1845 году брату Михаилу, только что вступив на литературную дорогу. „В моей жизни каждый день столько нового, столько перемен, столько впечатлений... Я весь занят. Идей бездна и пишу безпрерывно", заявлял он в 1846 году. Из крепости, в 1849 он пишет брату: „Я времени даром не теряю: выдумал три повести и два романа, один из них пишу теперь".

[1]) Кн. В. М. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. „Добро" 1881, № 2—3.

В 1856 г., выйдя из каторги, он писал из Семипалатинска Ап. Майкову: „Не могу вам выразить, сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать. А между прочим внутренняя работа кипела...“ Через несколько лет мы слышим те же признания, говорящие о безостановочной, сложной, многопланной работе духа Достоевского: „у меня на уме теперь, писал он из Флоренции в 1868 г. Ап. Майкову — огромный роман. Есть у меня идея одной довольно большой повести в 12 печатных листов и привлекает меня. Есть и еще одна мысль“. — „Тем куча“ — признается он в 1870 году тому же Майкову. „Повестей, задуманных и хорошо записанных, у меня до 6“, — пишет он в 1870 году Н. Н. Страхову.

Немудрено, что Достоевский, охваченный шумным потоком множества образов, не смог задержать их всех, не смог закрепить их печатно. Каждый миг являлись новые сюжеты, новые персонажи, — где-то в подсознательной и идеологической сфере весь этот материал сплавливался единым, монолитным сплавом, но он вырывался на поверхность так стремительно и зигзагообразно, разбегался по тропинкам, столь бесчисленным, что схватить все детали, все подробности не было никакой возможности. Близкий друг Достоевского, Н. Н. Страхов оставил замечательную характеристику писателя, утверждающую этот безбрежный разлив творческой фантазии автора „Бесов“. „Новые образы, новые планы романов, новые задачи являлись у него беспрестанно, осаждали его. Это даже мешало ему работать“— вспоминал Страхов: „конечно, он написал десятую долю тех романов, которые он уже обдумал, уже носил иногда в себе многие годы; некоторые он рассказывал подробно и с большим увлечением, а таким темам, которых он не успевал разработать, у него конца не было“. К сожалению, друзья Достоевского оказались „любопытными“, но... „ленивыми“: ни Страхов, ни другие мемуаристы (за вычетом С. Ковалевской) не рассказали читателям, чтущим Достоевского, тех замыслов писателя, которые он поведал им „с большим увлечением...“ В записных книжках Достоевского остались следы его творческих раздумий, „мысли новых повестей“, „memento. На всю жизнь“, планы незавершенных творений: так, на одном листке я нашел

заметку:—„В 1860 год. 1) Миньона. 2) Весенняя любовь. 3) Двойник (переделать). 4) Записки каторжника (отрывки). 5) Апатия и впечатления". „Весенняя любовь" — это заглавие романа, от которого остался только план... В том же 1859 году, 23 ноября, он записал „план трагедии Фатум— План комедии: барыня сажает в карцер женатого учителя за то, что он женат". Среди рассказов Макара Ивановича (в „Подростке") предполагались рассказы „о помещике, выстроившем погорелую деревню. Лизавета смердящая. О том, как святые иноки убили еще инока и проч."[1])

В 1868 году 11 декабря Достоевский извещал Аполлона Майкова, что задумал „огромный роман. Название ему „Атеизм (поспеет не раньше, как через 2 года)". Этому роману писатель придавал большое значение: „написать этот последний роман, да хоть бы и умереть, — весь выскажусь". „Ныне, кажется, я весь выскажусь в нем", писал он о том же романе 8 марта 1869 г. С. А. Ивановой-Хмыровой.

Главным лицом этого романа намечался „русский человек нашего общества, и в летах, не очень образованный, но и не необразованный, не без чинов, — вдруг, уже в летах (он) теряет веру в Бога. Всю жизнь он занимался одной только службой, из колеи не выходил и до 45 лет ничем не отличился. (Разгадка психологическая: глубокое чувство, человек и русский человек). Потеря веры в Бога действует на него колоссально (собственно действие в романе, обстановка — очень большие, писал Достоевский 11 дек. 1868 г. Ап. Майкову). Он шныряет по новым поколениям, по атеистам, по славянам и европейцам, по русским изуверам и пустынножителям, по священникам; сильно, между прочим, попадается на крючок иезуиту пропагатору, поляку; спускается от него в глубину хлыстовщины и под конец обретает и Христа, и русскую землю, русского Христа и русского Бога". „Два—три лица ужасно хорошо сложились у меня в голове, между прочим, католического энтузиаста—священника (в роде St. François Fanier)",—писал Достоевский С. А. Ивановой-Хмыровой 8 марта 1869 года, уверенный, что роман—„поэма настоящая"—„должен иметь эффект по своей теме", „поневоле"

[1]) Из неизданных материалов.

завлечет читателя. Но не суждено было оформиться этому роману—новые замыслы ворвались... Однако таинственные нити творческой идеи не были порваны, они тянутся в новых сплетениях в другом романе, о котором Достоевский писал Н. Н. Страхову 24 марта 1870 года, что „идея (его) существует уже три года“ [1]). Этот новый роман предназначался для журнала „Заря“. Автор писал, что „весь план романа „вызрел“: „за три года созрело много“; „идея романа требовала большого размера“, об'емом по крайней мере такого же, как роман Толстого („Война и мир“). Этот роман будет состоять из пяти больших повестей (листов 15 в каждой). Повести совершенно отделены одна от другой, так что их можно даже пускать в продажу отдельно (письмо Ап. Н. Майкову 25 марта 1870) и печатать в разных журналах (кроме двух средних повестей). „Общее название“ свяжет их в целостный роман. В письме Н. Н. Страхову $\frac{\text{24 марта}}{\text{5 апреля}}$ 1870 г. мы узнаем заглавие романа—„Житие великого грешника“. Написанное на следующий день письмо Ап. Н. Майкову дает драгоценные подробности об этом романе: действие первой повести „еще в сороковых годах“. „Главный вопрос, который проведется во всех частях,— тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь—существование Божие. Герой,—в продолжение жизни то атеист, то верующий, то фанатик и сектатор, то опять атеист. 2-я повесть будет происходить вся в монастыре. На эту 2-ю повесть я возложил все мои надежды. Может-быть, скажут, наконец, что не все писал пустяки. (Вам одному исповедуюсь, Аполлон Николаевич: хочу выставить во 2-й повести главной фигурой Тихона Задонского, конечно, под другим именем, но тоже архиерей будет проживать в монастыре на спокое). 13-летний мальчик, участвовавший в совершении уголовного преступления, развитой и развращенный (я этот тип знаю), будущий герой всего романа, посажен в монастырь родителями (круг наш, образованный) для обучения. Волченок и нигилист-ребенок сходится с Тихоном (вы ведь знаете характер и все лицо Тихона). Тут-же в монастыре посажу Чаадаева (конечно, под другим тоже именем). Почему

[1]) „Этот будущий роман уже более трех лет как мучает меня“.

Чаадаеву не просидеть года в монастыре. Предположите, что Чаадаев после первой статьи, за которую его свидетельствовали доктора каждую неделю, не утерпел и напечатал, например, заграницей на французском языке брошюру, — очень и очень могло бы быть, что за это его на год отправили бы посидеть в монастырь. К Чаадаеву могут приехать в гости и другие, Белинский, например, Грановский, Пушкин даже. (Ведь у меня же не Чаадаев, я только в роман беру этот тип). В монастыре есть и Павел Прусский [1]), есть и Голубов[2]), и инок Парфений[3]). (В этом мире я знаток, и монастырь русский знаю с детства). Но главное Тихон и мальчик. Ради Бога не передавайте никому содержания этой 2-й части. Я никогда вперед не рассказываю моих тем, стыдно как-то; а вам исповедуюсь. Для других пусть это гроша не стоит, но для меня сокровище. Не говорите же про Тихона. Я писал о монастыре Страхову, но про Тихона не писал. Авось, выведу величавую, положительную, святую фигуру. Это уже не Костанжогло-с и не немец (забыл фамилию) в Обломове, и не Лопуховы, не Рахметовы. Правда, я ничего не создам, а только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом. Но я сочту, если удастся, и это для себя уже важным подвигом. Не сообщайте же никому. Но для 2-го романа, для монастыря, я должен быть в России[4]). Ах, кабы удалось! Первая же повесть — детство героя. Разумеется, не дети на сцене; роман есть".

Достоевский придавал этому роману значение своей исповеди, завершительного аккорда. „Это будет мой последний роман". „Этот роман я считаю моим последним словом в литературной карьере моей". На обработку его должно было уйти шесть лет. Перебитый замыслом „Бесов", занятый писанием для „Русского Вестника", Достоевский ждал момента, когда он сядет за свое огромное по-

[1]) Старообрядец, в 60-х г. основавший в Иоганнисбурге типографию для печатания старообрядческих книг, позднее перешедший в православие.

[2]) Редактор старообрядческого журнала „Истина"; в 60-х г. под влиянием инока Павла перешел в православие.

[3]) Автор трехтомной книги „Сказание о странствии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле". М. 1856 г.

[4]) Достоевский в это время жил в Дрездене.

лотнище „снаслаждением“. Но роман спланировался в более или менее отчетливую форму только в первоначальной стадии — в черновых записях конспекта, разлетевшись отдельными персонажами, идеями, сценами в ряде других романов...

Среди рукописных реликвий Достоевского, сохраненных А. Г. Достоевской и переданных вдовой писателя в Российский Исторический Музей, в одной из записных книг имеется подробный план романа, рисующий главного героя в детские годы, в монастыре и по выходе из монастыря. Фабула романа менялась во время самого писания: мальчик то в родной семье, то с самого начала в семье Альфонского. Детали романа тоже были блуждающими: „канва“ его всегда могла быть перешита новыми узорами. Любимое словечко романиста „подсочинить“ служит указанием, что известный нам план романа никоим образом нельзя рассматривать как нечто устойчивое, статическое [1]).

Мы печатаем полный текст плана „Жития великого грешника“ [2]), сохраняя все особенности написания и пунктуации подлинника.

Роман планировался в 1869 — 70 году, в разные месяцы.

Автобиографическое значение этого романа бесспорно. Еще Н. Н. Страхов называл Достоевского самым суб'ективным писателем. Многое говорит за то, что в „Житии“ Достоевский собирался раз'ять свою душу, вскрыть ее язвы, освободиться от мучащих, тревожных порываний

---

[1]) Первоначальный набросок отлился в след. характеристику героя:—

— Ничего авторитетнаго.

— Зародыши сильнѣйшихъ страстей тѣлесныхъ.

— Наклонности къ безграничному владычеству и вера непоколебимая в свой авторитет. Горы сдвигать. И радъ испытывать свою мощь.

— Борьба—вторая природа.—Но спокойная, не бурливая.

— Презираетъ ложь отъ всей силы.

[2]) На 59 листе рукописи встречается заглавие: Житіе величай— Повѣсть—Житие Живоѣдов—Живо; 1 января 1870 г. на одном листке Достоевский написал: Житіе Живорѣзов — тут же дан отрывок, неточно напечатанный Н. Н. Страховым в юбилейном издании соч. Достоевского. стр. 597, и без достаточных оснований отнесенный к роману „Бесы“.

своего я, казнить ростки злых, порочных дум, обнажить перед собой тайники своей души и вынести наружу, на свет Божий эту тьму, чтоб рассеять ее, подобно Гоголю, наносившему удары моральным из'янам своего внутреннего мира при изображении литературных персонажей.

Герой „Жития"—не автопортрет писателя, разумеется; фактические подробности в его характеристике—от „вымысла" [1]), но для понимания личности романиста „Житие" дает не мало штрихов любопытнейших.

Весь фон романа в первой части густо насыщен сырьем подлинной жизни, воспоминаний о реальном опыте писателя. „Брат Миша"—не Михаил ли Михайлович, один из младших братьев писателя? Сушар—это Николай Иванович Сушард, учитель французского языка, ходивший к Достоевским давать уроки. Чермак—это Леонтий Иванович Чермак, в пансионе коего в 1834—1837 гг. учился Федор Михайлович. Умнов—один из сверстников братьев Достоевских, бывавший у них дома, Ваничка Умнов, доставлявший им разные книжки и рукописные произведения (напр. „Дом Сумасшедших" Воейкова и проч.).

Список авторов и книг, известных начитанному герою „Жития", живо переносит в детские и отроческие годы самого автора: Евангелие, Библия, Гоголь, Пушкин, Вальтер Скотт, Карамзин, исторические и географические сочинения, Арабские сказки и проч.,—все это находит подтверждение в подлинных признаниях Достоевского о ранних годах его жизни и в воспоминаниях о нем брата, Андрея Михайловича. Последний, вспоминая о семейных чтениях, прежде всего отмечает, что отец или мать вслух читали детям исторические сочинения:—„История Государства Российского" Карамзина и чаще всего 11-й и 12-й томы. „История" Карамзина была настольною книгою Федора Михайловича, читавшего ее всегда, когда не было чего-либо новенького. Читались вслух повести Карамзина „Бедная Лиза" и „Марфа Посадница", а также „Письма русского путешественника". Достоевский сам признавался Н. Н. Страхову (2 декабря 1870 г.): „я возрос на Карамзине", а в „Дневнике

---

[1]) Повидимому, некоторый материал давала „натура" в лице друга юности И. Н. Шидловского, служившего прототипом и для Ставрогина в первой стадии творческой обработки.

писателя“ писал, что 10 лет „уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина“. „В руках брата Федора я чаще всего видал Вальтер-Скотта“...— вспоминал Андрей Михайлович. „12 лет, я в деревне, во время вакаций прочел всего Вальтер Скотта“— писал Достоевский в 1880 году одному корреспонденту, спрашивавшему у него совета на счет литературного чтения для своей дочери— „захватил с собой, в жизнь из этого чтения, столько прекрасных и высоких впечатлений, что, конечно, они составили в душе моей большую силу для борьбы с впечатлениями соблазнительными, страстными и растлевающими... Вальтер-Скотт имеет высокое воспитательное значение“. По воспоминанию Андрея Михайловича, Пушкин перечитывался неоднократно и был чуть ли не наизусть выучен, „Гоголь также был любимым писателем“ в детские годы его брата. О любви Достоевского к Гоголю вспоминал его знакомый А. Е. Ризенкампф, которому Достоевский, будучи юношей, наизусть читал целые страницы из „Мертвых Душ“. По поводу Евангелия Достоевский писал: „я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы, в семействе нашем, знали Евангелие чуть не с первого детства“. Глубочайшее волнение испытал он еще восьмилетним мальчиком, слушая в церкви библейское сказание об Иове[1]). По воспоминаниям родственников Ф. М. Достоевского, сказки из „Тысячи и одной ночи“ рассказывала братьям Достоевским „какая-то часто гостившая у них старушка Александра Николаевна. Сказка так и лилась у нее за сказкой, и дети не отходили от нее“. По собственным словам Ф. М. он очень любил читать путешествия. Этой любви писателя соответствуют „мечты о путешествиях“ его героя: „Жители луны“, очевидно, заглавие популярной в 30-х годах книжки—„О жителях луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир Джоном Гершелем во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды. Перевод с не-

---

[1]) К цитате—заглавию в „Братьях Карамазовых“ (7 издание, стр. 308) —Сто четыре священныя истории Ветхаго и Новаго Завѣта—А. Г. Достоевская сделала на полях примечание: По этой книге Федор Михайлович учился читать. Имеется в „Музее памяти Ф. М. Достоевского“. (Из неизданных материалов).

мецкого. СПБ. 1836" [1]). Театральные увлечения героя „Жития", в частности Гамлетом, находят также подтверждения в биографии Достоевского [2])...

Обилие в «Житии» фактических подробностей, почерпнутых писателем из его детской жизни, невольно ставит вопрос о праве исследователя искать личный авторский ключ к пониманию характера, натуры литературного героя. Действительно, суб'ективная окраска вскрывается на многих душевных переживаниях этого персонажа.

Он любил „испытывать себя, упражнял силу воли", „воспитывал себя мучениями". Эта жажда мучительства, стремление измучить себя, чтоб убедиться в способности „выдержки", была присуща и Достоевскому. Ему приносят письмо от брата — „я изобрел для себя нового рода наслаждение — престранное — томить себя (рассказывает он брату Михаилу 1 января 1840). Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу его в карман... Ты не поверишь, что за сладострастное состояние души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с четверть часа"...

Герой „Жития" — „нелюдимый", „несообщительный", многое держит про „себя", скрытен и чуждается людей. Михаил Достоевский в 1838 году называет своего брата „скрытным"—не без основания: Ф. М. Достоевский, передавая ему о „странном и чудесном" в своей жизни, писал ему, что этой „предолгой повести никому не расскажет". В Инженерном училище Достоевский, по воспоминаниям его товарищей, обычно сидел или ходил одиноким, держал себя вдали от всех. В 1854 году писал из Семипалатинска: „живу я здесь уединенно; от людей по обыкновению прячусь". Эта отчужденность от людей питалась у героя „Жития" его презрением к ним, чувством гадливости и исходила „из страстности гордой и владычествующей натуры". Припом-

---

[1]) На эту книжку была рецензия Белинского в «Молве», 1836 № 11.

[2]) Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, том I, СПБ. 1883, стр. 11.—Н. Н. Фон-Фохт. К биографии Достоевского. «Исторически Вестник» 1901, XII, стр. 1028. См. также в письме Мих. Мих. Достоевскому от 9 августа 1838 г.

ним отрывок из письма Достоевского к брату Михаилу 1847 г.: „Но, Боже, как много отвратительных подло-ограниченных седо-бородых мудрецов, знатоков, фарисеев жизни гордящихся опытностию, т.-е. своею безличностию (ибо все в одну мерку сточаны) негодных, которые вечно проповедуют довольство судьбой, веру во что-то, ограничение в жизни и довольство своим местом, не вникнув в сущность слов этих,—довольство похожее на монастырское истязание и ограничение, и с неистощимою мелкою злостью осуждающих сильную, горячую душу невыносящего их пошлого дневного росписания и календаря жизненного. Подлецы они с их водевильным земным счастьем. Подлецы они!“

Герою „Жития“ было присуще резко выраженное чувство личности, сознание своего превосходства, внутренней силы, своей необыкновенности. Не тот же ли тон звучит в горделивых и „гиперболических“ признаниях самого автора, опьяненного успехом „Бедных людей“, своих первых литературных шагов [1]): „явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. Их ужасно хвалят. Первенство остается за мною покамест и надеюсь, что навсегда“.

Много позже после написанных строк, пережив каторгу, он в том же тоне писал брату из Твери (1 октября 1859 года): „К половине декабря я пришлю тебе (или привезу сам) исправленного „Двойника“. Поверь, брат, что это исправление, снабженное предисловием, будет стоить нового романа. Они увидят наконец—что такое „Двойник“. Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой. (И, наконец, если я теперь не поправлю „Двойника“, то когда же я его поправлю? Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?)“ Титанический индивидуализм литературного персонажа, не раз подчеркиваемый автором романа, звучит в характерном признании Ф. М. Достоевского Аполлону Майкову: „Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил“ (16 августа 1867 г.).

---

[1]) „Я теперь почти упоен собственной славой своей“ (в письме от 16 ноября 1845 г.).

Обращают на себя внимание некоторые „странности" характера героя „Жития": он любил „удивлять всех" неожиданно-грубыми выходками, „держал себя извергом", „оскорбил старуху". Нечто подобное, какие-то срывы в душевной жизни и обращениях с людьми были и у Достоевского: так, он, по собственному признанию, нагрубил в Инженерном училище офицеру, преподавателю алгебры (1838); в письме к брату от 1847 дает себе следующую характеристику: „у меня такой скверный отталкивающий характер... Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Мои нервы не повинуются мне в эти минуты... Сколько раз я грубил Эмилии Федоровне [1]), благороднейшей женщине, в 1000 раз лучше меня. Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время даже больше тебя"...

В герое „Жития" вспыхивало иногда „чувство разрушения",—тот же мотив входил в мироощущение Достоевского—юноши: „до сих пор я не знал, что значит оскорбленное самолюбие (писал он 31 октября 1838 г.). Я бы краснел, ежели бы это чувство овладело мною... но знаешь? Хотелось бы раздавить весь мир за один раз". Провалы в „бездны", сладострастие главного героя „Жития" находят аналогии в некоторых подробностях, сообщаемых самим Достоевским о своей юности: „Прощай,—заканчивает он письмо брату 16 ноября 1845 г.—Минушки, Кларушки, Марианны и т. п. похорошели до нельзя, но стоят страшных денег. На днях Тургенев и Белинский разбранили меня в прах за беспорядочную жизнь".

„Идея накопления денег"—одно из затаенных построений мысли „великого грешника"—рано приковала внимание величайшего мученика в рядах разночинцев-писателей, всю жизнь нуждавшегося в деньгах и страстно ожидавшего возможности жить и творить в условиях обеспеченной жизни Л. Толстого и Тургенева. „Деньги и обеспечение хорошая вещь. Когда-то я выйду из долгов"; „денег у меня ни малейшей сломанной копейки"; „очень мне тяжело"; „если можно спасти меня, то спасите"; „я опять в такой нужде, что хоть повеситься";

---

[1]) Жене М. М. Достоевского.

„я положительно в ужасном теперь состоянии... Денег нет ни копейки"; „я всю жизнь работал из-за денег и всю жизнь нуждался ежеминутно"; „как я могу писать, когда я голоден... да чорт со мной и с моим голодом. Но ведь она (жена) кормит ребенка, что же если она последнюю шерстяную юбку идет сама закладывать. А ведь у нас второй день снег идет... И после того у меня требуют художественности, чистоты поэзии, без напряжения, без угару, и указывают на Тургенева, Гончарова! Пусть посмотрят, в каком положении я работаю"...—вот крик, стоном стоящий над письмами Достоевского разных периодов его жизни, особенно заграничного, тех лет, когда слагалось „Житие". Надо думать, что религиозная проблема решалась Достоевским приблизительно так же, как в жизни героя романа—„полосами" веры и безверия...

Анализ „Жития", вскрывающий пласты автобиографизма, позволяет с большей убедительностью видеть личные черты в других романах Достоевского, на которые раскололось „Житие великого грешника". Сын Версилова, урожденный Долгоруков („Подросток") с его идеей „дисциплины" тянется к персонажу неосуществленного романа Достоевского, на том же пункте между прочим близкому к Ставрогину. Герой „Бесов" своими падениями, „безднами", развратом также родственен „великому грешнику". Страницы о пансионе „Тушара", о подкинутом младенце, фигура Lambert'а в „Подростке" отскочили из того же „Жития". Отдельными штрихами великий грешник тянется к Ивану Карамазову и Дмитрию Карамазову. Тихон „Жития" перешел в романы „Бесы" и „Братья Карамазовы" в образах архиерея и старца Зосимы [1]).

Так, роман связывает главнейшие произведения Достоевского последнего периода, кое в чем протягивая нити к ранним опытам, напр., к „Запискам из подполья". Но многое из того, что было задумано, осталось незавершенным и сильно потускнело в разработке избранных тем где та широкая картина народной религиозной жизни с

---

[1]) Некоторые выражения, типичные для Достоевского, встречаются „в Житии" и позднейших произведениях: так, выражение „Жертвы жизнью" нашло место здесь и в „Братьях Карамазовых" ч. I, кн. I, гл. 5, стр. 33 3-е издание сочинений Ф. М. Достоевского).

сектантским и старообрядческим миром, куда окунался великий грешник? Бледный облик странника Макара Ивановича Долгорукого далеко не соответствует грандиозной „поэме“. Главный персонаж сильно умалился, духовно обеднел в „подростке“ Версилове.

Конспект ненаписанного романа вообще ценен для определения творческой манеры Достоевского. Роман не был бы написан. Огромное полотнище не было бы зачерчено той массой лиц, что реяли в воображении писателя. Романы „Атеизм“ и „Житие великого грешника“ ярко свидетельствуют, что Достоевский не в силах был справиться с динамическим бегом его творческой фантазии, не мог укротить, победить нахлынувшей образной стихии: слишком пламенела душа, чтоб удовлетвориться зажегшимся светом; об'ятая кострами, она сжигала мелькавшие видения. И, кажется, только железная необходимость приковывала писателя к столу и дала нам возможность читать его творения. Что-то случайное есть в печатном творчестве Достоевского: оно не покрывает всего творца, оно бледнее его первоначальных замыслов...

Николай Бродский.

ПЛАН РОМАНА

ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА.

20/8 декабря.

ЖИТИЕ ВЕЛИКОГО ГРЕШНИКА.

— Накопленіе богатства.
— Зарождающіяся сильныя страсти.
— Усиленіе воли и внутренней силы.
— Гордость безмѣрная и борьба съ тщеславіемъ.
— Проза жизни и страстная вѣра, безпрерывно ее побѣждающая.
— Чтобъ всѣ поклонились, а я прощу.
— Чтобъ ничего не бояться. Жертвы жизнію.
— Дѣйствіе разврата; ужасъ и холодъ отъ него.
— Желаніе всѣхъ марать.
— Поэзія дѣтскихъ лѣтъ. Массагу
— Обученіе и первые идеалы.
— Тайно выучивается всему.
— Одинъ, ко всему приготовиться.

(Все приготовляется безпрерывно къ чему-то, хотя и не знаетъ къ чему—и странно—объ этомъ мало заботиться къ чему, какъ будто совершенно увѣренъ, что само найдется.)

— Или рабство или владычество. Вѣруетъ. И только. Невѣріе въ первый разъ—страннымъ образомъ и только въ монастырѣ организуется. Хроменькая. Катя. Братъ Миша. Украденныя деньги. Претерпѣлъ наказаніе. Безстрашіе. Нива. Не рѣжь меня дядинька. Любовь къ Куликову.—Іоганъ. Брутиловъ. Французъ Пуго. Ругаетъ Брутилова. Учится. Водолазъ. Albert. Шибо. Причащеніе. Albert въ Бога не вѣритъ. Старички. Любитъ втайнѣ многое и держитъ про себя.

Его называютъ извергомъ и держитъ себя извергомъ. Страстное желаніе удивлять всѣхъ неожиданно наглыми выходками? но не изъ самолюбія. Наединѣ. Старички. Пѣсни. Therese-Philosophe Іоганъ, Бринъ, Брутиловъ — Братъ, Albert. Друзья и мучаетъ друга, отталкиваетъ. Другъ смирный, добрый и чистый, передъ которымъ онъ краснѣетъ. Воспитаніе себя мученіями и накопленіе денегъ. Humboldt.

Ему тотчасъ объявляютъ, что онъ имъ не братъ.

Сходится с Куликовымъ. Докторша. Представляется ему въ какомъ-то сіяніи. Страстное желаніе огадиться опакоститься въ ея глазахъ, а не понравиться. Случилось воровство. Его винятъ, онъ оправдывается, но дѣло становится яснымъ. Сведеный братъ укралъ.

Лист 7.

Сильная и всегдашняя черта. Неуваженіе къ окружающимъ людямъ, но еще не по разсудку, а единственно по гадливости къ нимъ. Много гадливости. Ѣмъ виноградъ. Его бьютъ и сѣкутъ за гадливость. Онъ только заключается въ себя и ненавидитъ еще болѣе.—Высокомѣрное презрѣніе къ гонителямъ и скорость приговоровъ. Необыкновенная скорость приговоровъ обозначаетъ сильную страстную исключительность. Начинаетъ чувствовать, что не надо скорыхъ приговоровъ и что для этого нужно усиление воли.

Начало широкости.

Матушкины дѣти у Сушара и у Чермака (ихъ гадливость отъ глупости).

— Ложь, mon Мушваръ.
Аркашка и французские разговоры. Аркашка, Брутиловъ и онъ особнякомъ.

У Сушара только Брутиловъ и его исторія; всего двѣ главы — Кончено. Что побилъ Сушара. Начало Albert'а.

Пансіонъ. Въ домѣ—несправедливое наказаніе. Экзаменъ. Въ деревнѣ. Самостверженіе. Катя. Въ городѣ и въ пансіонѣ удивляетъ своимъ звѣрствомъ. Lambert. Подвиги—бѣжать с Катей. Куликовъ, съ нимъ. Убійство.—Не прощаетъ ничего ложнаго и фальшиваго и безсмысленно, тотчасъ-же пускается бить.— Долго не вѣритъ Катѣ, потомъ испытывалъ ее и наконецъ испугалъ срамомъ.

— Сила воли – главное себѣ поставилъ.

— Послѣ Куликова идетъ тотчасъ-же спрашивать о хроменькой.

Тутъ-то его и поймали.

— В деревнѣ докторша въ него влюбляется.

Поймалъ ее съ любовникомъ.

Докторша, Альфонскій—характеры. Лист 9.

У Старичковъ. Съ старикомъ чтеніе Карамзина, Арабскія сказки—О Суворовѣ и проч. О процентахъ. Оскорбилъ молодую старуху. Проси прощенія, не хочу. Запиралъ ихъ. Смерть. Анна и Василиса бѣжали. Продали Василису.— Послѣднее причащеніе. Первая исповѣдь. Гадливость. Есть ли Богъ. Библія и чтеніе.

2 янв.

Расшибъ нарочно зеркало

Рѣшается молчать и не говорить ни слова—

— Св. мать: к чему вы изъ себя выказываете жертву (идеальное и странное созданіе)

— Отецъ Аль-й (Рѣчи его сыну и запросы).

— Чувство разруш,

Сколько надо знать наукъ (разговариваетъ с Ванькой).

— Сладострастіе (хочетъ на этомъ ждать до денегъ).

— И огромный замыселъ владычества (непосредств. чувствъ) скрывается въ немъ такъ сильно, что онъ чувствуетъ себя не въ состояніи, самъ, подладиться подъ этихъ людей.

Самъ дивится себѣ, самъ испытываетъ себя и любитъ опускаться въ бездну—

— Бѣгство с дѣвочкой и разбойникъ Куликовъ сейчасъ по переходѣ отъ Сушара к Чермаку. (Фактъ, производящій на него потрясающее дѣйствіе и нѣсколько сбившее его самого съ толку, такъ что онъ чувствуетъ естественную необходимость сжаться внутри себя и пообдумать, чтобъ на чемъ-нибудь установиться. (Устанавливается все-таки на деньгахъ)

О Богѣ пока не думаетъ.

— Послѣ Куликова онъ и въ семействѣ и въ пансіонѣ какъ бы смиренъ (чтобъ обдумать и найти себя установиться;

Молчаніе кончается черезъ полтора го-

— Но нелюдимъ и необщителенъ, да и не можетъ быть иначе, помня и

да признанием о Куликовѣ. зная за собой такой ужасъ и смотря на всехъ остальныхъ дѣтей, напримѣръ, какъ на нѣчто совершенно себѣ чуждое и отъ котораго онъ далеко отлетѣлъ въ сторону, въ худую или въ хорошую,— Кровь иногда его мучаетъ. Но и главное:

(Увлекается чѣмъ-нибудь ужасно Гамлетом, н. прим.). Не одно это уединяет его отъ всехъ, а именно мечты о власти и непомерной высоты надъ всѣмъ.

Жители луны. Сбиваютъ его с этой высоты науки, поэзія и проч., т.-е. въ томъ [1])
только готовить себя, но странно увѣренъ, что все само придетъ, деньги разрѣшатъ всѣ вопросы.

Главное Смыслъ первой части — Колебаніе, ненасытимость замысла *), инстинктивное сознаніе превосходства, власти и силы. Исканіе точки твердой опоры. Но во всякомъ случаѣ человѣкъ необыкновенный. Лист 11 [2]). смыслѣ, что это выше и лучше и что надо стало быть чтобъ и въ этомъ онъ былъ выше и лучше.

или лучше: Ни одна мечта о том: чѣмъ быть и къ чему онъ призванъ, не мѣшала накопленію богатствъ

— Но сомнѣніе разрѣшаетъ всегда исходъ денегъ и накопленія богатствъ. (продается лакеямъ—).

Но счетъ взбѣсившейся лошади, или пожара. Отецъ высѣкъ его — разрывъ — я васъ не считаю своимъ отцомъ.
— Продается лакеямъ,—за это въ общемъ презрѣніи, но

— Находитъ бумажникъ — увлеченіе, которое и пріобрѣтается окончательно экзаменомъ—онъ было поддается

Но послѣ этого исторія со срамомъ Кати и потомъ адскій разгулъ съ Albertom, злодѣйство и кощунство и доносъ о себѣ въ убійствѣ съ Куликовымъ—прямо въ бездну. Монастырь.

— Хотя деньги и страшно его устанавливаютъ на извѣстной твердой точкѣ и рѣшаютъ всѣ вопросы, но иногда

---

[1]) Продолжение текста на 11-м листе рукописи.

[2]) Наверху 11-го листа фраза: Картины (коровы, тигры, лошади и проч.).—При чтении иметь в виду, что отрывок от слов „только готовить себя" и до „человѣкъ необыкновенный" заканчивал 9-ый лист рукописи. Примечание Н. Б.

точка колеблется (поэзія и много другого) и онъ не можетъ найти выхода. Это - то состояніе колебанія и составляетъ романъ.

— Усиленіе воли, раны и сожиганія—, гордость его питаютъ. Ко всему быть готовымъ хочетъ.

— Деньги положилъ наживать честнымъ путемъ. Колебаніе надъ бумажникомъ,

— *) Так как многое его иногда трогаетъ сердечно, то онъ въ страшномъ припадкѣ злости и гордости бросается въ разгулъ. (Это главное)

— Отчужденности помогало и то, что и всѣ на него смотрѣли какъ на эксцентрика съ насмѣшками, или со страхомъ.

— Пробитая голова (pantalons en haut) боленъ.

Потомъ Чермакъ оставилъ его. (Манго).

— Достигъ напримѣръ процессомъ мысли, что потому не надо не честно, что дѣйствуя и честно онъ еще даже лучше наживет деньги, потому что богатымъ всѣ льготы на всякое зло и безъ того даны.

— Albert и онъ срываютъ звѣзду с вѣнца и бѣгутъ удачно (подбилъ онъ) но когда Albert сталъ кощунствовать, онъ сталъ его бить. А потомъ самъ провозгласилъ себя передъ судомъ атеистомъ.

— Мысль: что можно еще выше достигнуть власти, льстя какъ фонъ-Бринъ.

Но нѣтъ—думаетъ онъ — хочу достигнуть того-же не льстя.

Лист 12.

— Я самъ Богъ и заставляетъ Катю себѣ поклоняться. (Богъ знаетъ что съ ней дѣлаетъ. „Тогда полюблю когда все сдѣлаешь“.

— Въ отклоненияхъ фантазіи мечты безконечныя, до ниспроверженія Бога и постановленія себя на мѣсто его (Кулишовъ сильно вліялъ).

ЗАДАЧА memento. 1-й Актъ. Первое дѣство.
старикъ и старуха
2-й) Семейство, Сушаръ, бѣгство и Куликовъ—
3) Чермакъ-экзаменъ
4) Деревня и Катя, разгулъ съ Albertom

Найти общій пропорціоналъ.

20 дѣтство
20 монастырь
40 до ссылки
20 Самка и сотана.
40 подвиги

— Гадливость къ людямъ съ самаго перваго дѣтскаго сознанія (изъ страстности гордой и владычествующей натуры. Изъ презрѣнія же:

— „Возьму нахрапомъ, не стану унижаться до Бринской лести и ловкости".

— И это тоже отъ гадливости къ людямъ и отъ презрѣнія къ нимъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ—

— „О, еслибъ я взялъ на себя роль только льстеца какъ Бринъ,—чего бы я не-достигъ!"

— И начинаетъ иногда разсуждать: „Не сдѣлаться-ли льстецомъ? (объ этомъ съ хроменькой совѣтуется). Это тоже сила духа—выдержать себя льстецомъ. Но нѣтъ, не хочу, гадко—ктому же у меня будетъ оружіе деньги, такъ что они волей-неволей и хочешь не хочешь подойдутъ всѣ ко мнѣ и преклонятся".

— Съ Куликовымъ силу духа выказываетъ—Тотъ его не рѣжетъ, а отпускаетъ, а бѣглаго солдата разбойника зарѣзали вмѣстѣ.

13
2
27
12
3
5

35 лѣтъ назадъ — родился въ 1835 году.

— Еслибъ кто подслушалъ его мечты, то онъ-бы кажется умеръ; но хромоножкѣ во всемъ открывается.

— Что ни прочтетъ, то передает своеобразно хроменькой

— „Пощечина есть величайшая обида". Кровью —

— Первая организовавшаяся мечта о значеніи денегъ.

— Хроменькая хранитъ тайну изъ всего что онъ говоритъ ей и странно—это дѣлает она сама собою, безъ его приказанія, деликатно понявъ, такъ что онъ въ большей части случаевъ и не напоминаетъ ей о необходимости хранить тайну.

Хроменькая не соглашается быть атеисткой.

Онъ ее за это не бьетъ

Лист 13.

— Одинъ, но подробный психологическій анализъ, какъ действуютъ на ребенка произведенія писателей, *н. п.* Герой нашего времени.

— Негодованіе ребенка на пріѣзжающихъ гостей, на тѣ откровенности и дерзости, которыя они себѣ позволяютъ (Уваръ). „Какъ они смѣютъ?"—думаетъ ребенокъ.

— Паденіе стариковъ.

— Театръ. Сядь ко мнѣ на колѣни.—

Сѣкутъ за гадливость.

— Когда переходитъ съ хроменькой къ Аль—мъ говоритъ ей, чтобъ объ Гоголѣ и изъ нашего, о путешествияхъ ничего. —

— Онъ ужасно много читалъ (Вальтеръ Скоттъ и проч.)

— У Альфонск—не братья. Ему даютъ знать.

— Представляется грубымъ, неразвитымъ и дуракомъ.

— Съ лакеями.

А—я возбуждаетъ мысль чтобъ не вмѣстѣ съ дѣтьми.

— У Сушара. Альф—й сѣчетъ его. Оказывается напрасно.

— А—я выдумала, бѣгство. Съ Куликовымъ--Поймали.

— Гость: позвать его. Экзаменуетъ его. Мысли откровенныя.

Гость удивляется.—Домъ горитъ, или что-нибудь—болѣзнь

— А—й говоритъ рѣчи.

— У Чермака. Развитіе, чтеніе, Экзаменъ.

— Послѣ экзамена Альфонск влюбляет Альфонскій опрашиваетъ.

За хроменькую. Съ Катей. Нива. — Семейныя сцены—Альфонскій, его другъ, пощечина.

в Москвѣ Lambert —.

О классическомъ образованіи у Чермака (Гер Тайдер)

27 января.

Его поражаетъ, что всѣ эти люди (большіе) совершенно вѣрятъ въ свою чепуху, и гораздо глупѣе и ничтожнѣе, чѣмъ кажутся снаружи

(одинъ изъ ученыхъ гостей, падаетъ, запивается и съ цыганками въ Марьиной рощѣ).

Полоса невѣрія въ Бога. Непремѣнно о томъ, какъ дѣйствовало на него Евангеліе. Согласенъ съ Евангеліемъ.

Главное покамѣстъ свое я и свои интересы. Философическіе же вопросы занимаютъ его насколько его касаются.

Лист 14 [1]).

Lambert.

Лист 15.

Хроменькая: а я разскажу какъ ты говорилъ что будешь королемъ (или что-нибудь смѣшное)

— рѣжетъ ее за это—

Lambert и онъ—полная картина разврата. Но Lambert упивается имъ и не находитъ ничего выше. Національное легкомысліе.

А онъ входитъ въ развратъ хотя и съ неотразимым желаніемъ, но и со страхомъ. Пустота, грязь и нелѣпость разврата поражаютъ его. Онъ бросаетъ все и послѣ ужасныхъ преступленій съ горечью предаетъ себя самъ.

(Мечты о путешествіяхъ, Кулъ съ Хроменькой). Читали романы.—

Объ чемъ онъ говоритъ съ Хроменькой? Обо всѣхъ своихъ мечтахъ.—Когда я буду большой. Я женюсь не на тебѣ. Такъ что не надо говорить онъ мечталъ о томъ-то, но онъ шелъ къ хроменькой и говорилъ ей то-то. Объ томъ чѣмъ онъ будетъ и о деньгахъ. Билъ ее за то что не нарастали деньги.

О чтеніяхъ Карамзина, сказокъ и прочее ей говорилъ. По французски и по нѣмецки учила молодая, старушка и проч. Ходили учиться къ другимъ дѣтямъ, (тамъ надъ нимъ смѣялись)

— Что Хроменькая [не воспламенялась Карамзинымъ—онъ ее билъ.

— Всю Библію зналъ—ей говорилъ.

— Всемірная исторія—изъ географіи плохо.

Встрѣчается Умновъ и доказываетъ ему, что больше его знаетъ. Воротясь домой онъ говоритъ хро-

[1]) На этом листе Достоевский отметил: 22 февраля начать высылать. 27 января. Под фамилией Lambert стоит фамилия самого автора. На верху несколько дат—10 февраля 15 , 22 февр.

Онъ сильно развитъ и много кой чего знаетъ. Гоголя знаетъ и Пушкина). Никогда не нѣжничаетъ съ хроменькой до самаго того времени какъ несъ ее на рукахъ —

меньькой, что Умновъ дуракъ и ничего не знаетъ и прибилъ хроменькую, а затѣмъ увивается за Умновымъ.

Сдѣлайте это—обрѣжьте, я не желаю, чтобъ вы учились съ моими дѣтьми.

— Когда старички очень напивались и валялись, то хроменькая надъ ними плакала. Онъ сначала ее билъ, но потомъ пересталъ.

— Зарѣзали гуся.—

Библія. Іаковъ поклонился три раза. Сливает съ библіей. Хроменькая смѣется

— Привычка ее бить; не хотѣлъ поцаловать ее.

(Хроменькая не замерзла.
Ее нашли. Но она исчезла изъ дома Альфонскихъ).

Безпрерывная мысль его. Какъ сталъ себя помнить: Чѣмъ я буду и какъ это все сдѣлаю.

Потомъ сомнѣніе: одна-ли власть всего стоитъ и нельзя-ли быть рабомъ всѣхъ сильнѣе.

Сталъ упражнять силу воли.
Укусили страсти.

Лист 16.

Чтобъ въ каждой строчкѣ было слышно: я знаю что я пишу и не напрасно пишу.

1. ПЕРВЫЯ СТРАНИЦЫ. 1) Тонъ, 2) втиснуть мысли художественно и сжато.

Первая NB Тонъ (разсказъ житіе—т.-е. хоть и отъ автора, но сжато, не скупясь на изъясненія, но и представляя сценами. Тутъ надо гармонію) Сухость разсказа иногда до Жиль-Блаза. На эфектныхъ и сценическихъ мѣстахъ—какъ-бы вовсе этимъ нечего дорожить.

Но и владычествующая идея житія чтобъ видна была,—т.-е. хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею, и всегда оставлять ее въ загадкѣ, но чтобъ читатель всегда

видѣлъ, что идея эта благочестива, что житіе—вещь до того важная, что стоило начинать даже съ ребяческихъ лѣтъ.—Тоже—подборомъ того объ чемъ пойдетъ разсказъ, всѣхъ фактовъ, какъ бы безпрерывно выставляется (что-то) и безпрерывно постановляется на видъ и на пьедесталъ будущій человѣкъ.

Главное Нота-бене: Деньги онъ сталъ собирать съ идеи неясной, но идея эта все утверждалась и доказывалась ему дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Главнѣйшій же толчокъ былъ—переселенье къ Альфонскому

1) Поймали мышь.
Хроменькая
Старики.

Когда я буду большой:
Няня, мытье, орденъ на шеѣ—и на покой.
Анна и Василиса бѣжали.
Послѣднее причащеніе (итальянецъ изъ кармана деньги)—первая мысль.
Учитель. (пьяный).
Первая исповѣдь, что у него тамъ въ ящичкахъ и въ чащѣ. Есть-ли Богъ?
Чорта обратить.

Битье Хроменькой.
Мертвый у забора. Кильянъ.
Василису продали.—
Проценты и разговоры съ гостемъ.
Чтенія. о Суворовѣ. Арабскія сказки. Мечты —Умновъ и Гоголь—(Хроменькая смѣется).
— Старикъ и старуха все больше и больше слабѣютъ.

Запиралъ ихъ. Напился пьянъ. Украли вмѣстѣ съ мальчиком. Избилъ его. Драться съ старшими мальчиками.

— Полный развратъ.

Хроменькую бьетъ, чтобъ дралась съ мальчиками.

Та и выскочила бы, но ее отколотили и она плакала—Мечты о силѣ и воли Умновъ (подглядываетъ голыхъ, посягаетъ на Хроменькую).

Когда старики умерли—ему 11 лѣтъ а Хроменькой десять.—Альфонскій—Старикъ и старуха. Смерть. Онъ къ Хроменькой рѣчь какъ держать себя.

— Прежде того: Дразнили барыню—напали, ихъ затащили въ домъ, высѣчь—

Жаловаться струсилъ.

Первое столкновеніе, бросился бить господина съ орденомъ.

Я никогда не струшу.

— Я выучусь не трусить. (Струсилъ самъ, а

— Порѣзалъ себя для пробы. мальчика избилъ).

— Преподаваніе отъ мальчика еб-и, (Theres—Philosophe избила его за это)

а книжку удержала у себя.

Началъ собирать деньги.

Копить (сообщаетъ Хроменькой).

Хроменькую взяли въ домъ А-кихъ раньше[1]).

Тотъ какъ пришелъ сейчасъ ее допрашиваетъ. (Наставленіе ей: объ Гоголѣ не разсказывай и ничего изъ нашего).

1-я часть. Мальчикъ дикій, но ужасно много о себѣ думающій.

Лист 18.

— Лакей Осипъ—сначала взятъ въ домъ, тѣшить ихъ разсказами, веселымъ характеромъ. Засѣкъ А-й брата Осипова, потомъ взялъ Осипа и свезъ въ рекрутское присутствіе. Тотчасъ-же Осипъ бѣжалъ (онъ-же и Кулишовъ) Убили Орлова. Разстаются. Кулишовъ (Осипъ) отпустилъ его.

— Черезъ 1½ года мачиха плачетъ объ измѣнѣ А-го. Открыто держитъ любовницу. Осипова сестра. (Тутъ-то и засѣкъ брата Осипа). А-го убиваютъ крестьяне. (?)

Канва романа. У великосвѣтской жены А-го (мачихи героя), еще когда она изнывала засидѣвшись въ дѣвкахъ, былъ женихъ (офицеръ или кто-то (учитель).

Но она вышла за Альфонскаго. Не довольная и оскорбленная А-мъ (била свою любовницу по лицу) она завязала сношенія съ подвернувшимся прежнимъ любовни-

---

[1]) Слева на полях—от предложения „поймали мышь" до этого места Достоевский приписал: „Все это втискать в 4 листа (maximum)".

комъ. Мальчикъ видѣлъ какъ она цаловалась съ нимъ. „Можете донести отцу“ и потомъ просила его не говорить. Мальчикъ смолчалъ; но А—й знаетъ что сынъ знаетъ что у него рога и что у мачихи любовникъ.

Въ деревнѣ поднялъ шумъ за хроменькую. Натѣшился надъ Катей. Мать за Катю вышла изъ себя. Въ городѣ съ Lambert'омъ—и т. д.

Тутъ (А-го), задурившаго въ деревнѣ, могли убить крестьяне, чему мальчикъ могъ быть свидѣтелемъ,—и—

(Можно еще подсочинить о мачихѣ съ любовникомъ и въ какой мѣрѣ и степени мальчикъ ввязанъ въ этотъ романъ).

— У А-го есть благодѣтель—и именно первый врагъ, потому что благодѣтель. Всѣ благодѣянія его унижаютъ его гордость. Тотъ-же не любитъ жить безъ роли благодѣтеля, но за вершокъ благодѣянія требуетъ на три сажени благодарности. Оба унижаютъ себя, унижаютъ другъ друга и ненавидятъ другъ друга до болѣзни.

Лист 17.

— Необычайная гордость мальчика дѣлаетъ то, что онъ не можетъ ни жалѣть, ни презирать этихъ людей.

Онъ на нихъ и негодовать очень не можетъ. Не можетъ ни отцу ни матери симпатизировать. На экзаменѣ онъ нечаянно отличился,—онъ хотѣлъ показаться идіотомъ. Онъ глубоко презираетъ себя за то, что не утерпѣлъ и отличился.

— Опасная и чрезвычайная мысль, что онъ будущій человѣкъ необыкновенный охватила имъ еще съ дѣтства. Онъ безпрерывно думаетъ объ этомъ. Умъ, хитрость, образование—все это онъ хочетъ пріобрѣсть какъ будущія средства къ необыкновенности.

Опять-таки деньги кажутся ему во всякомъ случаѣ не лишними, вездѣ пригодною силою и онъ останавливается на нихъ:

Науки кажутся ужасно трудны.

То опять, кажется ему, что если онъ и не будетъ необыкновеннымъ а самый обыкновенный, то деньги дадутъ ему все,—т.-е. власть и право презрѣнія—

И наконецъ онъ кается и мучается совѣстью въ томъ, что ему такъ низко хочется быть необыкновеннымъ.

Впрочемъ онъ самъ не знаетъ чѣмъ онъ будетъ.

Чистый идеалъ свободнаго человѣка мелькаетъ передъ нимъ иногда; все это въ пансіонѣ.

— Подружился съ Осипомъ, о хлыстахъ, вмѣстѣ чуть не спятъ.

— Умновъ; знаетъ наизусть Гоголя.

Лист 70.

Монастырь.—Дай Богъ доброй ночи намъ и всѣмъ звѣрямъ—(Хорошенько прочесть описанія звѣрей. Гумбольдта, Бюффона и Русскихъ).

— Наука—богослуженіе.

— О медвѣдѣ.

— О первой любви и какъ онъ въ монахи пошолъ—(цѣломудріе).

— О томъ что такое сатана?

Аникита идетъ къ Чаадаеву усовѣщевать. Зоветъ Тихона, тотъ идетъ, споритъ и потомъ прощенія проситъ.

— О букашкахъ и о вселенской радости Живой жизни, вдохновенные разсказы Тихона.

— Дружба съ мальчикомъ, который позволяетъ себѣ мучить Тихона выходками. (Бѣсъ въ немъ).

— Узналъ о Therese-Philosophe Тихонъ—Благословляетъ на паденіе и на возстаніе.

Ясные разсказы Тихона о жизни и земной радости, О семьѣ, отцѣ, матери, братьяхъ. Чрезвычайно наивные, а потому трогательные, разсказы Тихона о своихъ прегрѣшеніяхъ противъ домашнихъ, относительно гордости, тщеславія насмѣшекъ (Такъ-бы все передѣлалъ это теперь. говоритъ Тихонъ).

Ужъ одно то трогательно, что онъ съ мальчикомъ связался.

Разсказъ Тихона о своей первой любви, о дѣтяхъ, монахомъ жить ниже, надо имѣть дѣтей и выше, когда призваніе имѣешь.

— Therèse—philosophe смутила Тихона. А я думалъ что уже закалился. Пошолъ въ послушаніе къ мальчику; Слушается его.

(Высоко, сильно и трогательно).

Тихонъ говоритъ одной барынѣ что она и Россіи измѣнница и дѣтямъ злодѣйка. Какъ они дѣтскихъ образовъ еще съ дѣтства лишаются. Ихъ изученія, хоть и точныя, (Левъ Толстой, Тургеневъ) какъ-бы чуждую жизнь открываютъ. Одинъ Пушкинъ настоящій русскій.

Про Тихона у мальчика иногда низкія мысли: онъ такъ смѣшонъ онъ такъ ничего не знаетъ, онъ такъ слабъ и безпомощенъ, ко мнѣ лѣзетъ за совѣтами, но подъ конецъ онъ догадывается что Тихонъ коренникомъ крѣпокъ, какъ ребенокъ чистъ, мысли дурной имѣть не можетъ, смущаться не можетъ и потому всѣ поступки его ясные и прекрасные. Лист 71. Тихонъ. О смиреніи (какъ могуче смиреніе)

Все о смиреніи и о свободѣ воли.

— О прощеніи непростимаго преступника (что это мученіе всего мучительнѣе).

Лист 19.

ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ.

3/15 мая.

Послѣ монастыря и Тихона великій грѣшникъ съ тѣмъ и выходитъ вновь на свѣтъ, чтобъ быть величайшимъ изъ людей. Онъ увѣренъ, что онъ будетъ величайшимъ изъ людей. Онъ такъ и ведетъ себя: онъ гордѣйшій изъ всѣхъ гордецовъ и съ величайшею надменностію относится къ людямъ. При этомъ неопредѣленность формы будущаго величія, что совершенно совпадаетъ съ молодостью. Но онъ (и это главное) черезъ Тихона овладѣлъ мыслью (убѣжденіемъ) что чтобъ побѣдить весь міръ надо побѣдить только себя. Побѣди себя и побѣдишь міръ. Карьера не избрана, но и некогда: онъ глубоко начинаетъ глядѣть за собою. Но рядомъ съ тѣмъ и противорѣчія: 1) золото (накопленіе) (семейство на рукахъ) накопленіе внушилъ ростовщикъ, человѣкъ ужасный, антитезъ Тихону; 2) образованіе (Контъ. Атеизмъ. Товарищи). Образованіе—мучитъ его и идеи и философія, но онъ овладѣваетъ тѣмъ въ чемъ главное дѣло.

Вдругъ юношество и развратъ. Подвигъ и страшныя злодѣйства. Самоотверженіе. Безумная гордость. Отъ гордости идетъ въ схимники и въ странники. Путешествіе по Россіи. (Роман любовь. Жажда смиренія) и проч. и т. д. и т. д.

(Канва богатая).

Паданіе и возставаніе.

Человѣкъ необычайный—но что-же онъ сдѣлалъ и совершилъ.

Черты. Отъ гордости и отъ безмѣрной надменности къ людямъ, онъ становится до всѣхъ кротокъ и милостивъ—именно потому что уже безмѣрно выше всѣхъ.

Застрѣлиться хотѣлъ (подкинули младенца)

Кончаетъ воспитательнымъ домомъ у себя и Гасомъ[1]) становится. Все яснѣетъ.

Умираетъ признаваясь въ преступленіи.

---

[1]) Повидимому, Ф. М. Достоевский имел в виду тип доктора Ф. Гааза. Примечание Н. Б.

Оглавление.

Часть 2я
Глава 1.

~~ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.~~

У Тихона.

I.

Николай Всеволодовичъ въ эту ночь не спалъ и всю просидѣлъ на диванѣ, часто устремляя неподвижный взоръ въ одну точку въ углу у комода. Всю ночь у него горѣла лампа. Часовъ въ семь поутру заснулъ сидя и когда Алексѣй Егоровичъ, по обычаю разъ навсегда заведенному вошелъ къ нему ровно въ половину десятаго съ утреннею чашкою кофею и появленіемъ своимъ разбудилъ его, то, открывъ глаза, онъ, казалось, непріятно былъ удивленъ что могъ такъ долго проспать и что такъ уже поздно. Наскоро выпилъ онъ кофе, наскоро одѣлся и торопливо вышелъ изъ дому. На осторожный спросъ Алексѣя Егоровича: „не будетъ ли какихъ приказаній?" ничего не отвѣтилъ. По улицѣ шелъ смотря въ землю, въ глубокой задумчивости и, лишь мгновеніями, подымая голову вдругъ выказывалъ ~~вдругъ~~ какое-то неопредѣленное но сильное безпокойство. На одномъ перекресткѣ, еще не далеко отъ дому, ему пересѣкла дорогу толпа проходившихъ мужиковъ, человѣкъ въ пятьдесятъ или болѣе; они шли чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. У лавочки, возлѣ которой съ минуту пришлось ему подождать, кто-то сказалъ что это „Шпигулинскіе рабочіе". Онъ едва обратилъ на нихъ вниманіе. Наконецъ около половины одиннадцатаго дошелъ ~~онъ~~ къ вратамъ нашего Спасо-Ефимьевскаго Богородскаго монастыря, на краю города у рѣки. Тутъ только онъ ~~вдругъ~~ какъ бы что-то вспомнилъ, остановился, наскоро ~~и тревожно~~ пощупалъ что-то въ своемъ боковомъ карманѣ и—усмѣхнулся. Войдя въ ограду онъ спросилъ у перваго попавшагося ему служки: какъ пройти къ проживавшему въ монастырѣ на спокоѣ архіерею Тихону. Служка принялся кланяться и тотчасъ же повелъ. ~~его~~ У крылечка, въ концѣ длиннаго двухэтажнаго монастырскаго корпуса, властно и проворно отбилъ его у служки повстрѣчавшійся съ ними толстый и сѣдой монахъ и повелъ ~~его~~ длиннымъ узкимъ корридоромъ, тоже все кланяясь (хотя по толстотѣ своей не могъ наклоняться низко, а только дергалъ часто и отрывисто головой) и все приглашая пожаловать, хотя ~~Ставрогинъ~~ и безъ того шелъ за нимъ. Монахъ ~~все~~ предлагалъ какіе-то вопросы и говорилъ объ отцѣ архимандритѣ; не получая же отвѣтовъ

[Handwritten margin notes: „по" (after „По улицѣ"); „А" (before „рѣки"); „тревожно и озабоченно" (at „наскоро ... пощупалъ"); „Николай Всеволодовичъ" (replacing „Ставрогинъ")]

*) См. стр. 3-я книги.

заняться. Я знаю, что я бы могъ устранить и теперь дѣвочку, когда захочу. Я совершенно владѣю моею волей по прежнему. Но въ томъ все и дѣло, что никогда не хотѣлъ того сдѣлать, самъ не хочу и не буду хотѣть; я ужъ про это знаю. Такъ и продолжится вплоть до моего сумасшествія.

Во Швейцаріи я смогъ, два мѣсяца спустя, влюбиться въ одну дѣвушку, или лучше сказать я ощутилъ припадокъ такой же страсти съ однимъ изъ такихъ же неистовыхъ пороковъ, какъ бывало это лишь когда-то, первоначально. Я почувствовалъ ужасный соблазнъ на новое преступленіе, то есть совершить двоеженство (потому что я уже женатъ); но я бѣжалъ по совѣту другой дѣвушки, которой я открылся почти во всемъ. Къ тому же это новое преступленіе нисколько не избавило бы меня отъ Матреши.

Такимъ образомъ я рѣшился отпечатать эти листки и ввезти ихъ въ Россію въ трехстахъ экземплярахъ. Когда придетъ время я отошлю въ полицію и къ мѣстной власти; одновременно пошлю въ редакціи всѣхъ газетъ съ просьбою гласности и множеству меня знающихъ въ Петербургѣ и въ Россіи лицъ. Равномѣрно появится въ переводѣ за границей. Я знаю что юридически я можетъ-быть и не буду обезпокоенъ, по крайней мѣрѣ значительно: я одинъ на себя объявляю и не имѣю обвинителя; кромѣ того никакихъ, или чрезвычайно мало доказательствъ. Наконецъ укоренившаяся идея о разстройствѣ моего разсудка и навѣрно старанія моихъ родныхъ, которые этою идеею воспользуются и затушатъ всякое опасное для меня юридическое преслѣдованіе. Это я заявляю, между прочимъ, для того чтобы доказать что я въ полномъ умѣ и положеніе мое понимаю. Но для меня останутся тѣ, которые будутъ знать все и на меня глядѣть, а я на нихъ. Чѣмъ больше ихъ тѣмъ лучше. Облегчитъ ли это меня — не знаю. Прибѣгаю какъ къ послѣднему средству.

Еще разъ: если оче[illegible] поискать въ петербургской полиціи, то можетъ-быть что-нибудь и отыщется. Мѣщане можетъ-быть и теперь въ Петербургѣ. Домъ конечно припомнятъ, онъ былъ свѣтло-голубой. Я же никуда не уѣду и нѣкоторое время (съ годъ или два) всегда буду находиться въ Скворешникахъ, имѣніи моей матери. Если же потребуютъ, явлюсь всюду.

НИКОЛАЙ СТАВРОГИНЪ.

Злоба вызоветъ отвѣтную злобу отъ всѣхъ

X

20/8 декабря. Житие великого грешника.

— Накопление богатства.
— Зарождающиеся сильные страсти.
— Усиление воли и внутренней силы. — X
— Гордость безмерная и борьба с тщеславием.
— Презр(ение) общины и страстная вера, беспрерывно сомневающаяся.
— Чтоб все поклонились, а я прощу.
— Чтоб ничего не бояться. Жертвы общине.
— Убийство разврата, ужас и холод от него. Желание всех марать.
— Поэзия детских лет. Массачу
— Обучение и первые идеалы.
— Тайно выучивается всему.
— Обман, ко всему приготовитель. (Все приготовления беспрерывно к чему-то, хотя и не знает к чему — и сл(учайно) об этом мало заботится к тому, как будто совершенно и предан, что само найдется.)
— Или рабство или владычество.

В Груши. Штольц. Невзоров первый раз — страстно... Монастырь. Хромоножка. Катя. Брат с Мишей. Украденные деньги. Постыдное наказание. Бесстрашие. Нева. Не режь меня дяденька. Любовь к Кулькову. — Гоганы. Брутилов. Француз Гуго. Гувернер Брутилов. Учится. Водолаз. Albert. Шибо. Кончилось. Albert больше не вернется. Старичок. Любит втайне сильное удержать про себя. Его называют извергом. Удержать себя извергом. Страстное желание удивить всех неожиданно наглейшими выходками (но не из самолюбия. Найдет). Старичок. Поэзия. Novelas Philosophe. Гоганы, Брайтон, Брутилов — братья, Albert — друзья и смущает друга, отталкивает. Друг смирный, добрейший и честный, перед которым он краснеет. Восторги сбы мучениями и накопление денег. — Humboldt.

Ему тотчас объявляют, что он им не брат. Сходится с Кульковым. Дворовые. Предательство... Страстное желание угадать, отвести в ее глазах, а не поправиться. Случай воровства. Его величие, он не оправдывается, но это становится заслуживающим. Свидетель брат Кравец.

*) См. стр. 63 книги.

— [illegible] (Вот [illegible] „[illegible]" [illegible])
— [illegible] (Кузнецов [illegible])

Ред

Задача memento.

1й Акт. Первое детство
старик и старуха
2й) Семейство [illegible] Тушар [illegible]
3) Чермак — [illegible]
4) Деревня и Катя, разговор с Версиловым

[illegible]

20 дня
20 [illegible]
40 досада
20 Свидание с [illegible]
40 побочных

— Гадливость к людям с самого первого детского сознания (их страстного гордого и властвующего натуры. Их презрение же:
— „Возьму [illegible], не стану унижаться [illegible] лестью и ловкостью,"
И это вовсе от гадливости к людям и от презрения к ним с самых детских лет —
— „О, если б я [illegible] — чтоб я не обиделся!"
И [illegible] (об этом [illegible]). Это такой склад духа — выкрикнуть себя [illegible]. [illegible]

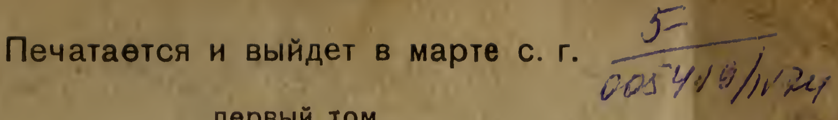
13
2
27
12
3
5
35 [illegible]

— [illegible] — [illegible]

[illegible] в 1835 году. Если кто [illegible]

— [illegible]
— [illegible]
— Первая [illegible]
— [illegible]

[illegible]

Печатается и выйдет в марте с. г.

первый том

ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

{РАСНЫЙ АРХИВ

В журнале принимают участие: В. В. Адоратский, В. П. Алексеев, А. Аннинский, Н. Ф. Бельчиков, И. А. Блинов, С. К. Богоявленский, М. Бочаров, Н. Л. Бродский, В. П. Викторов, М. С. Вишневский, 1. Дзюбинский, Д. Н. Егоров, А. Ф. Изюмов, С. А. Котляревский, В. В. Маков, А. М. Миловидов, В. Н. Нечаев. А. С. Николаев, А. С. Орлов, И. Пичета, С. А. Пионтковский, В. П. Полонский, М. Н. Покровский, С. Потапов, И. В. Пузино, С. В. Рождественский, А. А. Сергеев, М. Фриче, Н. П. Чулков, В. В. Шереметевский, А. А. Шилов и др.

Содержание I тома.

I Отдел: **Внешняя политика и империалистическая война.** *ско-германские отношения.* Рейхштадт. Беседы Сабурова Шувалова с Бисмарком 1879 и 1887 г.г. Оранжевая книга. йные конвенции 1873, 1878 и 1887 г.г. Проект захвата Боса. 1914 г. Переписка *Сухомлинова и Янушкевича.* II Отдел: **тория революционного движения.** Новое о Зубатовщине.—)5 г. (К истории карательных экспедиций). К истории тии народного права. III Отдел: **История литературы и а.** 1. Неизданные письма Некрасова, Достоевского, Фета.— ержанные цензурой стихотворения Розенгейма, Голенищева-гузова, Якубовича.—Толстой в цензуре.—Короленко В. Г.— Из дневника Рачинского. IV Отдел: **Библиография.**

Адрес редакции: Москва, Ваганьковский, 8.

